

Людмила Милевская

Мусти Козла В огород

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Соня Мархалева – детектив-оптимистка

Людмила Милевская
Пусти козла в огород

«Автор»

2002

Милевская Л. И.

Пусти козла в огород / Л. И. Милевская — «Автор»,
2002 — (Соня Мархалева – детектив-оптимистка)

Алиска в очередной раз умирала. Поскольку в последнее время это было ее перманентное состояние, я не особенно волновалась. Но, примчавшись в Питер, поняла, – дело серьезное. По словам Алисиной соседки, «эти стервы» сначала сглазили мою подругу, а теперь травят ее. А она, глупышка, им всегда рада и приглашает в дом. Не могли смириться эти змеи – подруги Алисы – с богатством, красотой и с ее славой художницы. А больше всего не могут простить ей супружеского счастья с красавцем Германом. Зависть, зависть... Но не будь я Соня Мархалева, если не докопаюсь до истины. И докопалась... Как же обвели меня вокруг пальца!..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Людмила Милевская

Пусти козла в огород

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Отряхнув золотистый пляжный песок, она грациозно поднялась, постояла, подставив солнцу лицо, и, горделиво не замечая восхищенных взглядов, устремила к белой пене прибоя. Краем глаза заметила у самой кромки воды двух красивых мускулистых гигантов, с интересом уставившихся на нее.

Привычная к вниманию мужчин, она не насторожилась, спокойно рассматривала их тайком из-под пышной челки. Гиганты же глядели на нее пристально и совсем не скрываясь. Лица их с чуть раскосыми глазами, со слегка вывернутыми губами улыбались, но в их позах чувствовалась напряженность, под бронзовой кожей перекачивались могучие мышцы. Она шагнула к воде, но гиганты молча преградили дорогу.

– Что вам угодно? – по-испански спросила она.

Мужчины переглянулись. Она перехватила их жесткие взгляды, ощутила холодок, пробежавший вдоль спины.

– Что вам угодно, сеньоры? – уже с тревогой спросила она, растерянно отступая.

Гиганты решительно к ней шагнули – она снова отступила.

На многолюдном пляже, среди веселящихся, купающихся, жующих, пьющих и загорающих людей, она почувствовала себя беззащитной. Ей стало жутко. Пятясь, она отступала от незнакомцев, они сокращали дистанцию.

«Бежать!»

Охваченная ужасом, она рванулась в сторону, уворачиваясь от гигантов. С криком понеслась вдоль берега. Двое загорелых атлетов бежали за ней. Это никого не удивило. Мало ли как развлекаются люди.

Она неслась быстрее стрелы, но они не пытались сократить расстояние, похоже, они не спешили. Преследование продолжалось. И терпение преследователей было вознаграждено – бегунья вдруг, задыхаясь, остановилась, обреченно глянула на приближающихся гигантов. Они настигли ее.

Один из атлетов выхватил из-под резинки плавок зеленый сосуд, похожий на перечницу, резко взмахнул им над ее головой. В воздухе образовалось пыльное облачко. Она, задохнувшись от быстрого бега, полной грудью вдохнула повисшую перед лицом пыльцу, ощутила тонкий пряный аромат и... замерла, застыла бронзовой статуей среди золотистого песка у пенной кромки воды.

Она все понимала, все видела, но не глазами, словно остекленевшими, устремленными в море, а иным, внутренним зрением, непостижимо и мгновенно обретенным ею.

Эта способность позволяла ей одновременно созерцать весь многокилометровый пляж, видеть каждого из идущих, лежащих, загорающих и целующихся на нем. Знать все мысли, все намерения каждого.

Теперь она знала, почему эти атлеты гнались за ней, зачем она им нужна. Она знала, что ее ждет, что было до нее и что будет после, но ей это стало безразлично. Все стало безразлично ей. Все. Легко и приятно кружилась голова. Она все знала, все видела и ничего не хотела.

Знание пришло ниоткуда. Знание о том, что было.

О том, что еще не свершилось.

– Иди! – на незнакомом языке приказал один из гигантов.

Она поняла. Послушно пошла, неловко переставляя одеревеневшие ноги. Гиганты подхватили ее под руки, дружно и спокойно зашагали рядом.

Они вызвали восхищение. Притягивали взгляды. Кто-то вслед сказал:

– Какие красивые люди. – И кто-то ответил:

– Девушка особенно хороша.

Посвящение

Она все видела и все знала. От запястий ее и щиколоток тянулись к низким базальтовым столбам массивные золотые цепи. Обнаженную спину Царапал шершавый камень жертвенного алтаря. Нежный аромат голубого дыма щекотал ноздри. Легко, приятно кружилась голова.

Она все знала. Все видела. Не глазами, отражавшими звездное небо, ослепленными блеском Большой Медведицы. Видела иначе, внутренним зрением, непостижимо обретенным ею.

Она все видела. Кто-то неведомый разворачивал перед ней, перед мысленным ее взором удивительные картины; приторно-сладкий воздух наполнился чарующими мелодиями. Перед ней предстал мир, канувший в вечность. Мир умерший. Давно. Очень давно.

Она видела себя, лежащую на алтаре с обнаженной грудью, с бедрами, прикрытыми клетчатой повязкой, с волосами, стянутыми узлом на затылке, украшенными пучками перьев. Видела себя со стороны, сверху, отовсюду.

Она видела, ощущала площадку Большой пирамиды, уставленную золотыми светильниками, источавшими неяркий свет и голубой дымок.

* * *

Верховный жрец стоял спиной к алтарю, вглядываясь в ночь, наполненную шумом моря, невидимого в ночи. Золотая мантия ниспадала с его плеч.

В главном каменном зеркале, в полированной глади черного агата, подрагивало звездное небо. Такой же бездонной глубиной чернели малые зеркала, расставленные вокруг алтаря.

Жрец поднял глаза к звездам. Обернулся. Медленно обошел жертвенный камень. Коснулся рукой набедренной повязки той, что лежала распятой на шершавом базальте.

– Во имя тебя, богиня оленей. Во имя тебя, стерегущая любовь. Во имя тебя, дарящая цветы. Во имя тебя, плодотворяющая женщин и лам. Во имя тебя, великая светлая Масатеотль, – скороговоркой пробормотал он на языке, не звучащем на Земле уже тысячи лет.

Она застонала.

Жрец вновь обошел алтарь. Коснулся пучков перьев в волосах той, что лежала распятой под звездами.

– Во имя тебя, блестящая птица богов. Во имя тебя, отдающей силу божественным близнецам. Во имя тебя, Кецаль.

Она застонала.

На выбритой удлиненной голове жреца капельками выступил пот. Но бронзовое лицо оставалось бесстрастным, чуть раскосые глаза – непроницаемыми.

Жрец ждал. Раньше чем Большая Медведица достигнет зенита, птица с телом ягуара и хвостом змеи накроет черным крылом землю. Птица Кутлипока. Божественный глаз ее – утреннюю звезду – отразит черное зеркало.

Близится час Белой Змеи великой ночи Пернатого Змея. Ночи Кецалькоатля!

Жрец в златотканом плаще вскинул руки. В квадрат ритуального двора вступили пять десятков бронзовотелых мужчин.

Удовлетворенный, он отошел к Большому зеркалу. Замер.

Медленно всплывала утренняя звезда в черноту зеркального агата. Не отрывая глаз следил жрец за ее движением к центру.

Дождлся.

Свершилось.

Луч звезды метнулся с Большого зеркала на поверхность малых. Вспыхнув, обежал жертвенный алтарь, прыгая по зеркалам. Замкнул магическую цепь вокруг распятой.

Взвилось неяркое пламя светильников. Всполохом высветило ритуальный двор.

– Аоа-ту... Аоа-ту... Аоа-ту... – начали скандировать бронзовотелые.

Звуки их голосов достигли вершины Большой пирамиды, взлетели к небу, окрепли. Казалось, десятки тысяч людей столпились внизу, у подножия, отдавая небу свои голоса.

– Аоа-ту... Аоа-ту... Аоа-ту...

Жрец воздел руки. Воззвал рокочущим голосом, перекрывшим ритмичные выкрики бронзовотелых.

– Я, Верховный жрец храма Белого Ягуара, правитель народа Амару, алчущего Страны Дождя и Тумана, молю высшей благодати! Понимания! Прозрения!

Руки жреца упали. Он обошел светильники. Бросил в каждый по щепотке черного порошка. Синий туман поплыл над вершиной Большой пирамиды. Ритуальный двор опустел.

Бронзовокожие столпились у жертвенного алтаря. Лихорадочно заблестели глаза.

Сильный юноша с удлиненной бритой головой выступил из толпы. Подал жрецу каменную чашу, протянул зеленое нефритовое шило.

В чаше кроваво и зловеще плескалась алая жидкость.

Жрец склонился над алтарем. Опустил в чашу острие, блеснувшее багрянцем. Коснулся зеленой каменной иглой ушей распятой, оставив кровавые следы. Каменным черным ножом разжал зубы жертве, зеленым шилом коснулся ее языка. Опустился на колени.

– Аоа-ту... Аоа-ту... Аоа-ту... – продолжали ритмично вскрикивать бронзовотелые.

Певучие звуки непостижимым образом усиливались, умножались.

– Великая богиня Чалькацинго, повелительница двуглавого ящера, прародительница драгоценных близнецов! – воззвал жрец. – Даруй Посвящение!

По небу пробежала огненная рябь. Жрец продолжил:

– Во имя милосердного Теекатлипоки, дымящегося зеркала вселенной. Даруй посвящение!

Во имя Белого Ягуара!

Даруй Посвящение!!!

На площадку ритуального двора вышли пятнадцать человек в зеленом. Шестнадцатый, облаченный в плащ красного цвета, замер в углу площадки. Четверо зеленых отделились, надвинулись на красного, грозя короткими копьями.

Пламя светильников взлетело над ритуальным двором, отразилось в голубом дыму, сочащемся уже отовсюду. Запульсировало, укрывая разыгрывающуюся драму. Огненные пульсации достигли вершины Большой пирамиды. Охватили ее облаком слепящего газа.

Лишь черное агатовое зеркало противилось яростному натиску холодного света. Оно глотало, поглощало, вбирало в себя голубое пламя, пока не сумело смять, одолеть его. Светильники притухли.

На площадке ритуального двора четверо зеленых, грозивших красному, стояли, держа обломки копий в руках. Грозно и победительно смотрел на них красный.

По небу пробежала алая рябь.

Жрец коснулся лбом каменной площадки. Вслед за ним пали ниц бронзовотелые.

– Будь вечен великий Кецалькоатль, дарующий землю! – громовым голосом воскликнул жрец. – Будь вечна мать Чалькацинго, владыка вселенной! Будь вечен народ Амару, племя Белого Ягуара! Великие боги! Мы получили Посвящение! Аматтальма – живое воплощение Великой богини любви – с нами.

По небу пробежала розовая рябь.

Бронзовотелые отпрянули к краям площадки. Жрец выдвинул из-за алтаря дымящуюся жаровню. Снял серебряную чашу. Зачерпнул из нее нефритовой ложкой. Подошел к алтарю.

Распятая оставалась безучастной. Каменным ножом жрец разжал ее зубы. Вложил в рот содержимое ложки. Провозгласил:

– Она съела!

По небу пробежала синяя рябь.

Ему подали обсидиановый нож с нефритовой чашей. Жрец приподнял с бедра распятой клетчатую повязку, склонился над ее нежным телом, взмахнул сверкнувшим обсидианом.

По небу пробежала голубая рябь.

Бронзовотелые напряженно замерли. Разящий обсидиан грозил вонзиться в трепещущую плоть распятой. Каменный нож взметнулся. Бронзовотелые вздрогнули, но...

Жрец продолжал склоняться над алтарем. Долго. Выпрямившись, он указал на бедро распятой. Там алым цветком распустилась татуировка.

По небу пробежала белая рябь.

Гортанные крики радости взлетели в ночное небо. Светильники погасли разом. Лишь звезды Большой Медведицы сверкали над опустевшим алтарем.

Лишь тишину тропической ночи наполняло все удаляющееся: «Аоа-ту... Аоа-ту... Аоа-ту...»

Глава 2

Говорят, что много друзей не бывает. Бывает, если всю жизнь прожил на одном месте. Со всеми своими подругами (почти со всеми) я познакомилась... на горшке. В самом прямом смысле, на эмалированном детсадовском горшке.

В детский сад, благодаря темпераменту Маруси, я попала лишь со второго захода. Маруся, конечно, необузданная стихия, но и во мне, видимо, нечто этакое (импозантное) с детства присутствует. Думаю, точно присутствует, иначе чему бы Маруся столь бурно обрадовалась, впервые увидев меня?

С последствиями этой радости я тут же и была госпитализирована, долго лечилась со своими ушибами и переломами, а когда здоровье восстановила, меня снова в тот же детский сад отвели.

На этот раз мне повезло – сразу в нечто вроде клуба попала, в самое приличное общество, причем в разгар задушевной светской беседы. Произошло это потому, что мой извечно виноватый папа все утро вынужден был, стоя по стойке «смирно» перед мамой, выслушивать, какой он никчемный человек и что ему на этот раз моя бабуля сделает, если он, дундук, снова неудачно ребенка в детский сад отведет. Моя мама – дивная женщина – всегда имела, что сказать, а уж по такому серьезному поводу, как я, тем более. Поэтому папе стоять по стойке «смирно» долго пришлось, и мы (к моей радости) опоздали на завтрак.

– У нас процедура, – кокетливо сообщила папе (а он был потрясающим красавцем – весь в меня) воспитательница, – там Сонечка с детками и познакомится.

И она повела меня в местный «клуб», где впоследствии разворачивались интереснейшие события моей младой жизни, открывались тайны мироздания и доверялись страшные секреты. Как вы уже догадались, это была туалетная комната, где рядом на горшках сидели: Маруся, Лариса, Роза, Тося, Люба, Нелли, Тамарка...

В общем, не буду всех перечислять, чтобы не упоминать Юлю, которая сыграла недавно в моей супружеской жизни роковую роль...

Ох! Вспоминать очень тяжело! Трудно сразу и мужа и подругу терять...

И вот теперь я несчастна. Опять одна, у меня снова нет мужа. Каких-то лет десять назад это был повод для невообразимой радости, для облегчения, но теперь я вдруг поняла, что муж был любимым. И мой сын его папой своим родным считает. И распалась дружная семья...

Я, неисправимая оптимистка, смертельно загоревала, и опустила бы лапки, и повесила бы нос, и совсем бы пропала, если бы у моей Алиски не случилась беда.

Когда человеку плохо, он обычно тянется к тому, кто благополучен и счастлив. Это не правильно. Надо идти к тому, кому еще хуже, кто потерялся совсем. Надо идти к нему и помогать, и жизнь тогда заиграет новыми красками, а фортуна повернется к вам своим прекрасным лицом.

Я крепко спала (что в последнее время редкость), когда среди ночи раздался телефонный звонок. Из Петербурга звонила Алиса. Оказывается, горе человека ожесточает. Звонок?! Ночью?! В другое время я взволновалась бы, теперь же была лишь возмущена.

– В кои-то веки удалось заснуть, – гаркнула я, – и вот те, здрасте, кому-то бессовестному приспичило меня разбудить.

Голос Алисы звучал вяло и безжизненно.

– Сонечка, не ругайся, – жалобно попросила она. – Мне худо, худо.

Я взревела:

– Что? Не ругайся?

Остановиться я уже не могла, а глянув на часы, и вовсе взбесилась:

– Почему бы мне не поругаться? Ты представляешь, что такое ночь для женщины, которая рассталась с любимым мужчиной? Ночь – это не просто ночь, а пытки ада! Теперь, когда ты меня разбудила, до утра не усну, лежать буду и мучиться, чем там они занимаются, мерзавцы, что поделывают?

– Кто? – изумилась Алиса.

– Да Женька с Юлькой, о ком же я могу говорить! Уснули уже или еще... Сама понимаешь... У них же медовый месяц, этим они с вечера и до утра занимаются, потому и сплю так мерзко. Боже! Как представлю, что мой Женька! Мой Женька!! С этой проституткой!

– С твоей любимой Юлей, Юлей, – вяло подсказала Алиса.

– Ужас! Ужас! – живо отреагировала я. – И после всего этого ты, бездушная, будишь меня?!

– Мне худо, – прошелестела Алиса. – Очень худо. Просто умираю, умираю.

Если учесть, что не прошло и недели, как мы с Алисой расстались, то станет ясно, почему я так скептически к ее словам отнеслась. Неделью назад Алиса на собственном вернисаже выглядела по-трясно. Была вызывающе счастлива, непростительно молода и красива. Нетрудно представить, как это «радовало» меня, убитую горем, подругой и мужем.

– В чем дело? – сухо поинтересовалась я. – Каким это образом ты умираешь? На вернисаже ты выглядела не старше двадцати пяти, так изволь и чувствовать себя так же.

– Сейчас я выгляжу на пятьдесят, – порадовала меня Алиса и с печалью добавила:

– Сухость во рту, и раскалывается голова.

– Ха! Сухость во рту! Раскалывается голова! Передать не могу, как я разозлилась.

– Милочка, симптомы известные, – саркастично рассмеялась я, готовясь к многочасовой лекции о правильном образе жизни.

В роли лектора, естественно, видела исключительно себя – кого же еще? Не Алису же.

– Богемная жизнь! – вдохновенно воскликнула я. – Об этом надо было в первую очередь думать, когда на старости лет взбрело в голову тебе, психологу, художницей сделаться.

– Сбылась моя мечта, – едва слышно произнесла Алиса.

– Так не жалуйся теперь! – гаркнула я. – Сухость во рту, раскалывается голова. Богемная болезнь! Элементарное похмелье! Теперь ты по такому ничтожному поводу мне каждый раз из Питера в Москву будешь звонить? Послушай: если головка бобо, а во рту бяка, не жаловаться надо, а лечиться. Баночку пива прими, и все как рукой снимет.

– Не снимет, – возразила Алиса. – Мне худо, очень худо, и страшно болит голова, голова.

– И что? Что прикажешь мне делать? Бежать из Москвы в Питер накладывать компрессы, компрессы? – спросила я и тут же на себя разозлилась.

Привычка Алисы повторять последние слова заразна. Как только я начинаю общаться с ней, тут же твержу одно и то же. Сколь ни стараюсь, как за своей речью ни слежу, слова-дублиеры сами слетают с языка, и ничего поделать с этим не могу. Только злиться и остается.

Я злилась, а Алиса уже рыдала. Естественно, в такой обстановке сон пропал.

– Хорошо, хорошо, – сказала я Алисе. – Не будем ругаться, скажи прямо: что ты хочешь от меня? От меня!

– Соня, я чахну, – прошелестела Алиса. – Здесь творится нечто странное. По телефону объяснить не могу, пожалуйста, приезжай, приезжай.

И я поехала.

Алиса – психолог. Уж не знаю какой. Но, судя по отзывам специалистов, хороший. В любом случае, этого ее качества я оценить не могу, зато с полной ответственностью заверяю, что художник она отвратительный. На вернисаже ее я просто сгорала со стыда. Тем больше сгорала, чем сильнее Алису хвалили. Первую картину я кое-как «зажевала», вторую даже «переварила», а вот третьей «подавилась». Громадное полотно: три на четыре. Литры краски, а в

результате лежащая на спине корова, белая в черных яблоках, и над ней вместо неба – полосатый матрас, вместо солнца – зеленый арбуз. Если это талант, тогда что бездарность?

– Алиса, – с присущей мне прямоотой сказала я, – тот, кто внушил тебе, что ты художник, – враг твой. Жила сорок лет без холста и красок и дальше без них живи. Мой тебе добрый совет.

Вместо спасибо Алиса обиделась. А все ее Герман. Он, и только он, портит Алису, всем капризам ее потакает. Мало ли что ей в голову взбредет? Сегодня – художница, завтра – дрессировщица. Так что же, тигров ей покупай? Другой бы муж покрутил у виска пальцем, да тем дело и закончилось бы, Герман же новую квартиру купил. На Васильевском острове, на набережной реки Смоленки. Роскошную квартиру в двух уровнях, с громадной мастерской под самой крышей, с гигантским окном. Твори, дорогая!

И дорогая творит. Видели бы, что она вытворяет – чистит кисти о холст, называя это вдохновением. Захламила мазней мастерскую! Зато теперь все вокруг говорят, что у Германа жена художница.

С этими мыслями я подкатила к дому Алисы, с ними же вошла в подъезд, нервно перекладывая объемистую сумку из одной руки в другую. Загрузилась в лифт. Едва Алиса открыла мне дверь, в нос ударил запах красок. Бросив на пол сумку, я помчалась распахивать окна.

– Ну-у, дорогая, – воскликнула я, когда во всей квартире распахнутым оказалось все, что возможно, – головная боль и сухость во рту – цветочки. Так и токсикоманкой недолго стать.

– Думаешь, дело в красках? В красках?

– А в чем же еще? Здесь же газовая камера! Как только Герман такое терпит?

– Герман в Мексике, в Мексике, – напомнила Алиса.

Сама там недавно была, страшный роман поимела, но никакого Германа не заметила. Впрочем, Мексика большая, да дело и не в том.

Я наконец пригляделась к Алисе. Она действительно выглядела кое-как. Ее пастельно-бронзовый загар, с которым она не расстанется круглый год, поблек, кожа посерела. Яркие синие глаза угасли, потеряли лазурность. Даже волосы, роскошные волосы цвета спелой пшеницы потускнели и стали похожи на солому.

– Ну? – спросила я, выразительно глядя в сторону лестницы, ведущей под крышу к мастерской. – До чего ты себя довела? Куда это годится?

Алиса метнулась к зеркалу. Я поспешила стать рядом, чего неделю назад сделать не посмела бы.

– Боже, до чего бледна! – ужаснулась Алиса, сравнивая меня с собой.

«А мои румяна очень удачно легли», – мысленно отметила я, радуясь своей свежести.

Любая женщина меня поймет: приятно выглядеть на десять лет моложе ровесницы-подруги. Вдвойне приятней, если подруга перед этим лет десять раздражала тебя излишней свежестью. Но радость сейчас же на задний план отойдет, как подумаешь, что завтра и с тобой такая же беда может приключиться. Поневоле начнешь искать истоки этой напасти. Слава богу, я их сразу нашла и закричала:

– Так вот, пока я здесь – ты в мастерскую ни ногой! Выбросишь все краски и заживешь по-старому!

С этими словами я легко взлетела по ступеням, ворвалась в мастерскую и ахнула:

– Какой бедлам!

Шеренги раскрытых банок источали невообразимые миазмы. Нюхнувший такое счел бы газовую камеру курортом. И после этого Алиса жалуется на сухость во рту и головную боль?!

Кстати сказать, Алиса имеет еще одну страсть: она с детства обожает цветы. Раньше вынуждена была ограничиваться одними подоконниками, теперь же, с появлением новой квартиры, страсть ее потеряла всякий контроль. Высота потолка и размеры мастерской позволили устроить там и оранжерею на ярусе, которую Алиса в рекордные сроки наполнила сумасшедшим количеством цветов. Размахнулась так, что растения постепенно выползли на крышу, на

узкий балкончик, потом снова опустились в мастерскую и с угрожающей скоростью начали распространяться вниз, в жилую часть квартиры. Цветы росли даже в ванной и в туалете. Герман постоянно оказывался браним за очередной разбитый горшочек. Марго, соседка Алисы, за приличную плату мужественно старалась справиться с нашествием цветов. Она добросовестно и трудолюбиво поливала их, поворачивала к солнцу, что-то стригла, что-то рыхлила, где-то меняла землю, но все время оказывалось, что тот или иной цветочек зачах от недостатка внимания.

Поднявшись в оранжерею, я обнаружила, что теперь зачахло почти все. Лишь невзрачные фиалки, высаженные в красивые ящички-бочонки, кое-как влачили безрадостное существование, рядом с ними болезненно жались друг к другу драцены, бегонии и филодендроны. Я изумленно воззрилась на Алису:

– В чем дело, дорогая? Не жалеешь себя, пожалей хотя бы свои цветы!

– Думаешь, они тоже чахнут от краски, от краски? – поразилась Алиса.

– Чахнут? Загибаются! – воскликнула я и, не находя слов, лишь воздела руки к небу, благо оно смотрело на меня сквозь окна.

Мы спустились в мастерскую. Туда уже прибыла Марго. С ведром, полным удобрений, она готовилась к восхождению в оранжерею. Увидев меня, Марго обрадовалась и закричала:

– Ужас!

– Еще бы, – ответила я, кивая на картины Алисы.

– Ничего не помогает, – кивая на удобрения, согласилась со мной Марго и со вздохом отправилась в оранжерею.

Алиса кинулась собирать свои банки. Выбрасывать их она не стала, но спрятала подальше в ящик, клятвою заверив меня, что будет чаще гулять на воздухе и реже околачиваться в мастерской.

– Сухость во рту и головную боль как рукой снимет, – пообещала я и не ошиблась.

Алиса свежела прямо на глазах и уже к вечеру была так же хороша, как и прежде. Мы отправились к Финскому заливу, благо дом Алисы рядом. Гуляли по берегу так называемой Маркизовой Лужи и сплетничали, сплетничали о своих мужьях.

– Ах, поверить не могу, что Евгений женился на Юле! Женился на Юле! – прижимая руки к груди и наивно хлопая длинными пушистыми ресницами, восклицала Алиса.

В лучах заходящего солнца ее бронзовая кожа казалась золотой, синие глаза приобрели особую прозрачность, волосы сияли; я залюбовалась ею и подумала: «Конечно, легко ей быть счастливой: ест что хочет и не полнеет. Когда долго сидишь на диете, неизбежно портится характер».

– Сама виновата, – ответила я. – Точнее, виноват мой язык. Знала же, что у Женьки с Юлькой обошлось без романа, так нет же, не удержалась. Когда я ревную, меня несет – говорю что ни попадя. Поругались, и я умчалась в Мексику. Конечно же, не одна. Назло Евгению. Он как-то узнал.

Алиса испугалась:

– Умчалась в Мексику? И там ему изменила? Мне стало смешно:

– Почему – там?

– Еще здесь изменила?! – Алиса всплеснула руками, в ее лазурных глазах отразился настоящий ужас.

– Ни там, ни здесь. Ты меня знаешь, нигде толком не изменила. Одни разговоры. С моей стороны. Он – да! Мой поклонник страшно влюблен и готов хоть сейчас жениться, но...

Я поиграла глазами, предоставляя Алисе возможность догадываться самой. И зря. Она не правильно поняла:

– Поклонник женат?

Мне почему-то расхотелось откровенничать. Никакой фантазии, одна глупость.

– Не в этом дело, – отмахнулась я. – Мы вернулись в Россию, а здесь все по-другому. Знаешь, курортный роман тем и хорош, что о нем легко можно забыть. Я так и сделала, а вот Женька нет. Он собрал свои шмотки и отправился... к Юльке. До сих пор не пойму, почему к Юльке? Он же терпеть ее не мог! Ну разве можно верить мужчинам?

– Моему Герману можно, – с гордостью заявила Алиса.

Я поступила так, как поступила бы на моем месте любая разумная женщина: снисходительно улыбнулась и промолчала. Почему-то Алису это задело.

– Ты не согласна? – с вызовом воскликнула она. – Не согласна? Он звонит мне каждый день! Признается в любви! Шлет телеграммы!

– Дорогая, – ответила я, – теперь, когда, погуляв на свежем воздухе, ты ожила и готова к ссоре, я, пожалуй, отправлюсь домой.

Алиса тем и мила, что, дожив до сорока лет, сохранила непосредственность ребенка. Не устаю повторять: глупость – главное украшение женщины!

– Как? Что? – заливаясь слезами, кричала Алиса. – Ты хочешь уехать? И не останешься у меня ночевать? У меня ночевать?

Она сорвала с куста ветку, сломала ее пополам и с непередаваемой обидой выбросила в Маркизову Лужу. Надув губки, Алиса больше не кричала, лишь сопела и пускала слезу. Эта чертовка, если захочет вызвать жалость к себе, каким-то непостижимым образом умеет часами держать в глазах слезы.

«Бедный Герман, – подумала я. – Даже меня этим можно пронять, из него же Алиска просто вьет веревки».

Мы вернулись в ее квартиру. Я с удовлетворением отметила, что воздух почти очистился. Краской все еще пахло, но это, похоже, надолго, о чем я тут же и сообщила Алисе. Чтобы я не ругалась, она поспешно заказала столик в ресторане. Вынужденная выбрать подходящий наряд, я успокоилась.

Ужинать с Алисой одно расстройство. Глядя, с каким аппетитом лопают она, я забыла про диету и сильно повредила фигуре.

– Ничего, – успокоила меня Алиса, – будем долго гулять по ночному городу и сплетничать, сплетничать.

– Это всегда пожалуйста, – обрадовалась я. Так мы и поступили. Домой вернулись глубокой ночью и, ни на секунду не прекращая беседы, еще раз поужинали, приняли душ, почистили зубы и улеглись спать. Но и лежа в постели продолжали болтать, болтать, болтать...

Когда встречаются две подруги, которых объединяют и детство, и юность, им всегда найдется о чем потолковать. Конечно же, мы проговорили до утра. Алиса оказалась слабее меня, часам к семи прямо на полуслове заснула. Несмотря на бессонную ночь, она снова была свежа. Я успокоилась, поцеловала ее в нежную щечку, оделась, схватила сумку и тихонечко выскользнула из квартиры. Едва подошла к лифту, как двери раскрылись и передо мной предстала Марго с ведром, наполненным пакетиками удобрений.

– О, Софья Адамовна, – воскликнула она, – ты уже уезжаешь?

– Да. Мне пора.

Марго нахмурилась и заговорщицки прошептала:

– Зря ты Алиску покидаешь, здесь творится такое, такое! Она мне не верит, не хочет замечать, а напрасно, напрасно.

Она сделала страшные глаза и замолчала. Я отметила, что и Марго уже повторяет последние слова в каждой фразе. Всех уже Алиска заразила.

– Здесь творится такое, такое, – бормотала Марго, преграждая мне путь к лифту.

Я рассердилась:

– Какое – такое? Чахнут цветы?

– Да, и цветы тоже. Видишь, – Марго кивнула на лестницу, ведущую вниз. – Видишь, мелькнул человечек в черных чулках, в черных чулках.

Признаться, я не увидела человечка. Спустилась на несколько ступеней, заглянула на нижний этаж и все равно никого не увидела.

«Бедняжка, – подумала я. – Так будет с каждым, кто долго пообщается с Алисой, пообщается с Алисой».

Марго, между тем, остановилась, дико озираясь, и забормотала отчетливой скороговоркой:

– Невидимый, взявший себе опорой землю, вырванный пропасти, чтобы наполнить их своим могуществом! Ты, имя которого заставляет содрогаться своды мира, который направляет потоки семи металлов по каменным жилам, Властитель семи Светов, вознаграждающий труд рудокопов, выведи нас на желательный нам воздух...

Я была поражена. До сей поры Марго казалась мне женщиной пусть и не слишком образованной, но, безусловно, умной и рассудительной. Теперь же она производила прямо противоположное впечатление.

– Маргуша, – ласково сказала я, отходя на всякий случай подальше. – Маргуша, дорогая, что за чушь ты несешь?

Она отмахнулась, уставившись остекленевшими глазами куда-то в угол. Словно и нет меня. Застыла и бормотать стала погромче:

– О, устойчивость и движение! О, господин, всегда вознаграждающий своих рабочих! О, серебристая белизна! О, золотой блеск! О, венец живых и мелодичных алмазов!

– Каких, каких алмазов?! – теряя терпение, закричала я. – Мелодичных?

– Да, да, мелодичных, – вполне здраво, тоном предельно занятого человека ответила Марго. Сделала знак, подожди, мол, и продолжила с предельной серьезностью:

– Ты, который скрыл в земле, в царстве камней, чудное семя звезд...

Терпение мое лопнуло.

– Марго!! – рывкнула я что есть сил, решительно вцепилась в ее руку и принялась трясти эту сумасшедшую, как черт сухую грушу.

Никакой реакции. Лишь бормотание стало каким-то прерывистым, заикающимся:

– Т-ты н-ас с-дел-ал. Ам-инь!

Когда я уже была готова будить и звать на помощь Алису, Марго, удовлетворенная, остановилась и с укоризной взглянула на меня.

– Софья Адамовна, – обиженно сказала она, – что ж это ты молитву читать мешаешь?

С облегчением я заметила, что сумасшествия уже нет в ее глазах.

– Молитву? – возмутилась я. – Теперь понятно, почему Алиса больна. Мне самой в пору читать молитву! Об исцелении страждущих от душевных болезней. Что это ты там несла об алмазах мелодичных?

– В книжке так написано, – сконфуженно пояснила Марго.

При слове «книжка» я, в таких делах дока, сделала стойку и с презрением спросила:

– В какой такой книжке могли написать подобную чушь?

– В практической магии.

Я призадумалась. Горький опыт у меня имелся. Не так уж и давно все мои подруги повально увлеклись спиритизмом. Сколько сил потратила я, чтобы разоблачить мошенников и отвратить подруг от глупости, одному богу известно. Однако практика показала: с налету всю эту мистическую чепуху из женской головы не выветрить.

– Маргуша, – ласково поинтересовалась я, – а для чего ты молитву читала?

– Как же, – возмутилась Марго, – сама же видела: человечек в черных чулках побежал. Гном это.

– И ты молитвой, значит, на гнома воздействовать решила?

– А чем же еще, – искренне удивилась Марго. – Молитва специальная. Так и называется: «Молитва к гномам». Я ее пока выучила, семь потов сошло. Зато теперь, чуть что, читаю.

– И помогает?

– Поможет, обязательно поможет, – убежденно заявила Марго и, переменившись в лице, закричала:

– Вот! Побежал! Опять! Опять!

На этот раз и мне показалось, что на лестнице мелькнула тень.

– Знаешь что, Маргуша, – сказала я, – еще пара твоих молитв, и у меня в голове появятся тараканы.

– Гномы, – поправила меня Марго. – Гномы.

Глава 3

Алиса разбередила мне душу. Мало того, что она на все лады расхваливала своего Германа, будто я слепая и не вижу ее новой квартиры, так еще и эти телеграммы, и звонки. Едва мы вернулись с ночной прогулки, раздался очередной звонок. С экватора Герман интересовался, как чувствует себя Алиса и по-прежнему ли любит его. Минут двадцать они, как голубки, ворковали.

Легко представить, с каким смешанным чувством приняла я это событие. Настроившись на разрыв, я демонстрировала Евгению абсолютнейшую независимость, а теперь пожалела, как никогда ощущая одиночество. Никто не звонит мне, не интересуется, люблю ли его. Нет ничего хуже жалости к себе. Самые глупые поступки совершаем мы с этим чувством. Нет ничего безжалостней к нам, чем эта самая жалость.

Вернувшись в Москву, я тут же бросилась капать ядом на счастье Юльки. Звонила ей в любое время суток и передавала всяческие поручения для Евгения и в конце концов добилась своего: Женька мне позвонил. Сам! Хотя я его об этом не просила...

– Соня, – строго сказал он, – что это за номера?

– Какие номера? – спросила я голосом святой невинности.

– Зачем ты мучаешь Юлю? Она ни в чем не виновата.

– А тебе ее жалко? Уж не из жалости ли ты женился на ней?

Евгений зарычал, но быстро взял себя в руки и тихо спросил:

– Соня, скажи, почему так получается: хочу серьезно с тобой поговорить, но не проходит и минуты, как, забыв обо всем, уже готов наброситься на тебя...

– А ты не сдерживай своих желаний, – посоветовала я, и он повесил трубку.

Повесил трубку!

Не этого ли добивалась я?

Не этого! Не этого!!

Боже, как рыдала я! Как рыдала! Он никогда! Никогда больше не позвонит! Сам! И я не унижусь до того, чтобы звонить ему. Я не буду бегать за ним! Не буду! Не буду!

Кстати, это идея! Можно подкараулить его выходящим с работы. Случайно столкнуться с ним...

Нет, он же не дурак, хоть и женился на Юльке. Что невзначай занесло меня в район его работы? Нет! Я не буду унижаться и бегать за ним!

Но тогда можно сделать вид, что случайно зашла в ту пивную, где Женька расслабляется с Ма-русиным Ваней...

Ужас! Иной раз в мою голову такое придет! Встретиться с Женькой на глазах у Вани?

В пивной! В тот же день об этом будет знать Маруся. Следовательно, весь город заговорит о том, что Мархалева бежит за мужем.

Я упала на кровать и заплакала еще горше. Подушка стала мокрой в один момент. И вот тут-то вновь раздался телефонный звонок. Я сняла трубку, но еще долго не могла сказать ни слова – рыдания душили меня. Наконец, взяв себя в руки, выдавила:

– Слушаю.

– Соня, что с тобой? – это был Евгений. Но как нежен его голос!

Или показалось?

На всякий случай я зарыдала с утроенным вдохновением. Заикаясь, ответила:

– Н-ничего.

– Я сейчас же к тебе еду, – сказал он и повесил трубку.

Он ко мне едет? Не поняла. Он ко мне едет?

Он ко мне едет.

Вихрем вынесло меня с кровати. Душ, побольше косметики на лицо, на волосы побольше пенки, платье! Новое платье! Нет, лучше костюм. Костюм меня стройнит. И туфли-лодочки на шпильках. К черту эти модные каблуки, на которых женщина выглядит клоуном! Да, лодочки и духи! Любимые духи Евгения. Откуда он звонил? Судя по позднему времени, с работы. Тогда я успею, встречу его неотразимой!

С этой мыслью я заметалась по квартире, пытаюсь двигаться сразу во всех направлениях. В ванную, там духи, нет, в спальню, там костюм, нет, туфли в тумбочке в прихожей...

В результате Евгений застал меня в банном халате с мокрыми волосами, без духов, без пенки, без каблучков и косметики. Я стояла в шлепанцах, жалкая, как мокрая курица, недоуменно смотрела на него и молчала. Впрочем, из меня рвался вопль:

– Ты?! Ты?!

Но его никто не услышал. Даже я. Видимо, вопль застрял где-то на пути к горлу.

– Почему ты плакала? – спросил Евгений, делая смелый шаг через порог моей квартиры.

– Потому... Потому...

Я растерялась, не зная, что сказать. Как умная женщина, я не привыкла говорить правду. Правда не украшает женщин и портит мужчин, а я Евгению зла не желаю.

– Соня, милая, почему ты плакала?

Нежность! Нежность в его голосе!

Я глянула на часы: десять вечера, а он у меня, он не у Юльки. Ха-ха, будет скандал! Но какой будет скандал, если он вообще к ней не вернется!

И я снова заплакала. Безутешно. Евгений обнял меня (оказывается, это совсем просто – у Юльки мужа уводить!), прижал мою голову к своей груди, принялся бормотать ласковые слова, успокаивать как ребенка.

– Ну-ну-ну, – приговаривал он, – не будем плакать, плакать не будем, соленые слезки, – и так далее и тому подобное.

Когда так успокаивают, готова плакать хоть всю жизнь. В этот же вечер решила плакать до утра, лишь бы Женька никуда не ушел. Однако он уходит и не собирался, все тискал меня и тискал под марку сочувствия моему необъяснимому, но безутешному горю.

Я рыдала не просто так, а с большой пользой: ломала голову, что бы это все могло значить, а так же как повернуть все это себе на пользу.

«Он меня любит? – гадала я. – Все еще любит? Или сработала привычка?»

Наконец Евгений, отчаявшись меня успокоить, сказал:

– Сонечка, погоди, я сейчас.

И убежал куда-то. Опять бросил меня одну. Я растерялась. После его неожиданного ухода к Юлке ждала от него чего угодно. Каково же было мое удивление, когда вернулся он с букетом цветов и с пакетом, не скрывшим победоносно торчащее горлышко бутылки.

– Купил вино, – смущенно оправдывался Евгений, – чтобы успокоить твои нервы. Очень хорошее вино.

Тут же выяснилось, что в пакете не одно вино, но и закуски: все самое мое любимое. За годы супружества он хорошо изучил мои вкусы.

Я пришла в восторг неописуемый. Любая женщина знает, что означает подобный жест. Когда мужчина покупает бывшей жене цветы, вино и закуски, означать это может только одно: он не собирается возвращаться к новой супруге!

В эту ночь не собирается. Об остальном же, увы, нам, женщинам, остается лишь гадать – зачастую мужчины непредсказуемы.

Впрочем, тот, кто знает мужчин так, как я, все может предсказать. Я сразу себе предсказала мир с Евгением. Мир и никакой Юльки!

Завтра утром... Нет, ближе к полудню. Надо хорошенько выспаться, чтобы выглядеть! Ближе к полудню отправимся к Юлке вдвоем и все ей расскажем. Евгений извинится, обяза-

тельно, как настоящий мужчина, попросит прощения за несбыточные надежды и причиненные в связи с ними неудобства. Юлька умрет от горя, но ничего, Роза, ее спасет.

Короче, я дала себя успокоить посредством бокала вина. Евгений тоже выпил, обнял меня и облегченно выдохнул:

– Соня, как я соскучился...

Я собралась ответить ему в том же духе, но... зазвонил телефон. Это была Алиска.

– Ты не вовремя, – сказала я ей и бросила трубку.

Евгений насторожился:

– Кто это тебе звонил?

Черт знает почему, я покраснела и начала оправдываться.

– Это Алиска, Женечка, Алиска, – униженно бормотала я.

Он не поверил:

– Алиска? А почему ты не поговорила с ней? Почему сразу бросила трубку?

– Ах, не хотелось попусту тратить время...

– Попусту? Раньше ты так не считала – щебетала с Алиской по два... Нет, по три часа!

И пошло и поехало, чем больше я оправдывалась, тем больше он на меня наступал. В конце концов я снова заплакала, и плакала так горько, что Евгению пришлось идти за новой порцией успокаивающего. Когда он ушел, я глянула на часы и подумала: «Так не так, а уже час ночи. Хорошо сидим».

Когда Евгений вернулся, мы о звонке уже не поминали. Снова выпили вина, долго словоблудием занимались, хитрили и выжидали, кто первый сделает шаг навстречу. Первым не выдержал Евгений, опять обнял меня, и опять раздался телефонный звонок.

«Теперь вообще не буду трубку снимать», – подумала я и наткнулась на его подозрительный взгляд.

Евгений зверел буквально на глазах, а телефон надрывался.

– Кто это? – наконец спросил он.

– Понятия не имею, – ответила я, но, сообразив, что это его окончательно разъярит, поспешно поправилась:

– Какая-нибудь подруга.

– Так поздно?

А телефон не умолкал, верещал как резаный.

– Почему бы тебе не снять трубку? – ехидно поинтересовался Евгений и тут же добавил:

– Сам сниму.

Он поднял трубку и тут же передал ее мне со словами:

– Это опять Алиса.

Я возликовала, обнаружив, как стал ласков его взгляд. «То-то, – подумала я, – знай, какой ты бессовестный ревнивец, а я святая, святая!»

На этот раз Алиска оказалась невероятно многословной. Она жаловалась уже не только на плохое самочувствие, но и на... нечистую силу.

– Это понятно, – отчаявшись дождаться конца ее повести, воскликнула я, – но от меня чего ты хочешь? Почему звонишь так поздно?

– Я же раньше звонила, но ты сама не захотела со мной разговаривать, разговаривать.

– Да, у меня были причины, но мы не о том. Скорей говори, чем могу тебе помочь?

– Позвони своей бизнесменке Тамарке, она хвастала, что какую-то сильную колдунью знает. Наверное, меня сглазили. Вот и Маргуша говорит...

– По твоей Маргуше дурдом в три ручья плачет! – не выдержала я.

Обычно Алиса остерегается мне возражать, на этот же раз она проявила неслыханное упрямство.

– Маргуша говорит, – словно не слыша меня, продолжила она, – что это сглаз. Маргуша гадала на зеркале святой Елены.

– На чем, на чем? – изумилась я, поеживаясь и вспоминая дикий взгляд Марго во время чтения молитвы к гномам.

Алиса погрузила меня в подробности.

– Маргуша принесла хрустальную чашу, – скороговоркой сообщила она. – Под чашей оливковым маслом нарисовала крест, а под крестом написала: «Святая Елена». Потом Жорику, сыну соседки, дала эту чашу в руки. Тут, понимаешь, нужен непорочный ребенок, зачатый в законном браке...

Мне стало смешно. Зная эту соседку, любому стало бы смешно.

– Ты не слишком удачно выбрала непорочного ребенка, точнее соседку, – воскликнула я, нервно оглядываясь на Евгения.

Но разве Алиса слушала меня, она с упоением продолжала:

– Потом Маргуша стала за Жориком на колени и произнесла три раза молитву святой Елены. Ах, Соня, эт-то что-то! Такая красивая молитва!

– Надеюсь, там ничего не было о мелодичных алмазах? – ядовито поинтересовалась я.

– О мелодичных? – переспросила Алиса. – О мелодичных ничего не было, не было. Но Жорик увидел ангела, и мы задавали ему вопросы, вопросы.

– И что? – свирепея, спросила я.

– Ангел сказал, что нужна колдунья, колдунья. Что Маргуша сама не справится, сама не справится, – горестно поведала Алиса и жалобно добавила:

– Соня, позвони Тамаре.

– И ты с этой галиматьей не могла дождаться утра? – спросила я, умоляюще поглядывая на Евгения.

Он одобрительно кивнул, мол, все в порядке. Я прикрыла трубку рукой и шепнула:

– Алиска хочет, чтобы я позвонила Тамарке. Евгений удивился.

– Не слишком ли поздно? – спросил он.

Я подумала: «Разбудить Тамарку? Бред! Только сумасшедший рискнет это сделать. Впрочем, идея недурна. Позвоню, разбуду Тамарку, пусть не одной мне будет плохо».

И я позвонила Тамарке.

Здесь должна заметить, что все мои подруги не любят Алису. А все потому, что она слишком красивая. К тому же Алиса практически не имеет мозгов, хоть Роза и утверждает, что с точки зрения анатомии такое невозможно. Что бы Роза ни утверждала, все знают, как обстоят дела с мозгами Алисы. Глупость делает ее красоту неотразимой и дает массу поводов для нападок со стороны моих подруг. Все они страшно меня к Алисе ревнуют, просто бесятся, когда я поминаю о ней и тем более о ее Германе, который всю жизнь носит Алису на руках и в прямом и в переносном смысле, потакает ее капризам и гордится этой дурочкой безмерно.

Короче, все мои подруги завидуют Алисе. Все, кроме Тамарки. Тамарка Алисе не завидует, потому что ей некогда, она ворует. Бизнес в нашей стране страшно хлопотная штука. Приходится отдаваться ему всецело, не остается времени не то что на зависть, даже на сплетни и сон.

– Мама, ты невозможная! – заверещала Тамарка, как только я ее разбудила. – Чуть разрыв сердца не получила! Думала, из налоговой!

– Успокойся, это я.

– Что ты, Мама, говоришь? Ха! Ты! Радость какая! Уж лучше тогда налоговая:

Вот это прием, а чего еще ждать от лучшей подруги? Я было собралась обидеться, но какой в этом смысл, когда Тамарка так собой увлечена, что все равно не заметит.

– Как ты мне надоела, – лютовала она. – Никакой не даешь жизни. Мама, ты невозможная! Опять про горе свое будешь цедить? Ха! Мне бы твое горе! Кому сказать, не поверят.

Счастливица! В кратчайшие сроки, да просто вмиг избавилась от самой зловредной подруги да еще и от поганца мужа в придачу. Кто бы меня от тебя избавил да еще и Даню моего так подобрал? Слушай, Мама, возьми себе моего Даню, он... Уйди, скотина! Куда одеяло потащил?! Спать я ему, видишь ли, не даю! Ты, сволочь, жить мне не даешь, и то терплю, сволочь!

Я поняла, что последние фразы ко мне не имеют отношения. Просто у моей нежной Тамарки идет интимное общение с мужем.

Общение это так Тамарку захватило, что даже трубку бросила она. Бросила, но не отключила, давая и мне возможность насладиться их семейным «счастьем». Даня грозил подать на развод, а Тамарка по этому поводу неистово выражала сомнения.

– Ха! Дождешься от тебя подарка такого! Еще долго, паразит, кровь мою будешь пить! И не найдется на тебя никакой Юльки!

Все это сопровождалось разнообразными звуками, очень похожими на затрешины и шлепки. Зная Тамарку, невозможно было подумать, что звуки сии издает Даня.

Наконец Тамарка пресытилась. Теперь ей срочно понадобилась я, чтобы тут же поделиться впечатлениями.

– Как хорошо, Мама, что ты позвонила. Очень вовремя. Сразу тебе расскажу, какой негодяй этот Даня – среди ночи затеял, подлец, драку! Слышала, как я его лупила? Вот что значит настоящая подруга, вовремя позвонила, – похвалила меня Тамарка, намертво забыв, что если бы я не позвонила, то и никакой драки не состоялось бы, дрых бы Даня ее, как сурок.

Евгений, сообразив, что разговор этот может затянуться до утра, бросился принимать меры: тербил меня за халат, нервно стучал пальцем по циферблату и нетерпеливо закатывал глаза.

– Сейчас, дорогой, – успокоила его я, чем сильно возбудила Тамарку.

– Мама, ты невозможная! – закричала она. – Уже привела к себе кого-то и молчишь?

– Да не кого-то, Тома, не кого-то, – отмахнулась я.

– А кого? – срочно пожелала знать Тамарка.

– Евгения.

– А-а-а-а! – Тамарка задохнулась и перешла на шепот:

– Мама, Женька вернулся? Ну дела! А как же Юлька? Нет, ты убила меня! Сейчас упаду!

– Ты же в постели лежишь, – напомнила я.

– Все равно упаду, – заверила Тамарка. – Мама, как же тебе удалось его вернуть? Это же просто чудо!

Я обиделась:

– Никакое не чудо, он до сих пор меня любит...

Евгений вскочил и забегал по комнате.

– Мама, ты невозможная! – возмутилась Тамарка. – Он ее любит! Кстати, зачем ты звонила? Вам что там, заняться нечем? По ночам мне трезвонят...

Дальше я слушать Тамарку не могла, потому что зазвонил мой мобильный, это снова была Алиса. Когда я начала манипулировать сразу двумя телефонами, Евгений, схватившись за голову, выбежал в прихожую.

– Не так я собирался провести эту ночь! – крикнул он.

– Женя, погоди, уже закругляюсь, – крикнула я и тут же оповестила подруг:

– Девочки, извините, очень ограничена во времени.

Тамарка сразу вызверилась:

– Что значит «ограничена»? Мама, ты невозможная! Ты для этого разбудила меня, чтобы сообщить, что в чем-то ограничена?

Алиса от Тамарки не отставала, даже и похлеще вопила, что человеку больному совсем не к лицу.

– Соня! Соня! – кричала она. – Тебе не стыдно? Я умираю, а ты просишь прощения? Просишь прощения? И говоришь, что во времени ограничена? Ограничена! Ограничена!

Признаться, я тоже не так собиралась провести эту ночь, это же не ночь, а сумасшедший дом – если так можно выразиться. Думаю, после того, что со мной случилось, мне можно все.

Евгений вернулся и принялся нервно мерить шагами комнату.

– Женечка, я закругляюсь, – успокоила я его.

– Я тебе не мешаю, – огрызнулся он. Я принялась объяснять Тамарке, как плохо Алисе, как рассчитывает она на ту гадалку, которая всем нам сняла венец безбрачия, не глядя на то, что мы по много раз были замужем. Растолковала ей, что Марго может своим самодеятельным колдовством и вовсе загнать Алису в гроб. Тут Евгений не выдержал, некрасиво ругнулся и вылетел, хлопнув дверью. Я остолбенела. Он ушел? Совсем?

Долго предаваться горю мне не дали.

– Мама, ты невозможная! – завопила Тамарка. – Как гадалка может помочь Алисе? Гадалка в Москве, а Алиса в Питере. Там разве нет своих гадалок?

Должна сказать, что разговор стал неуправляем. И Алиса и Тамарка вопили одновременно все, что хотели, пользуясь тем, что я парализована Евгением.

Я подумала: «Теперь, когда он ушел, смогу наконец нормально поговорить».

И в этот самый момент в Алисиной трубке раздался подозрительный звук, затем крик и тишина. В Тамаркиной трубке тишины и не предвиделось.

– Тома, замолчи! – закричала я.

Тамарка перешла на шепот, но окончательно не замолчала.

– В чем дело. Мама? – прошипела она.

– С Алиской что-то случилось. Боюсь, она в обморок упала.

– Ее что там, не поднимут?

– В том-то и дело, что Алиса одна. Герман в командировке. Все, Тома, я уезжаю.

– Куда, Мама, куда?

– К Алиске.

– Мама, ты невозможная!

– Вполне возможно, – ответила я, хватая в руки чемодан.

Глава 4

Всю дорогу от Москвы до Питера ругала себя, что не послушалась Марго и не осталась. Но кто мог подумать, что Алиса так заболит? И что там за черти у них завелись?

Я мучительно вспоминала все, о чем сверхъестественно лепетала Алиса, но беседа с ней велась в таких немыслимых условиях, что половину пропустила мимо ушей – больше слушала Тамарку и Женьку.

Чем ближе я подъезжала к дому Алисы, тем сильнее нервничала. Когда мой «Мерседес» вкатился в ее двор, меня уже просто колотило.

«Это от холода», – успокоила я себя, вылетая из автомобиля.

Уже собиралась войти в подъезд, и вдруг откуда ни возьмись черный котенок. Я плюнула и через правое плечо, и через левое – котенок остановился, с любопытством наблюдая за взрослой теткой, плюющей как верблюд.

– Брысь! – сказала я ему и даже рукой показала, в каком направлении это лучше сделать.

Котенок бестолково уставился на меня своими огромными голубыми глазами. Он недоумевал. Он совсем меня не боялся, скорее даже симпатизировал мне.

Я топнула ногой – он не тронулся с места. Наоборот, уселся поудобней, с интересом за мной наблюдая, склонив набок ушастую голову. Я махнула рукой, схватила котенка на руки и побежала к Алисе.

Выйдя из лифта, нос к носу столкнулась с Симочкой, милой и доброй девушкой из соседней квартиры. Она выходила из двери Алисы.

– Что с ней? – тревожно спросила я. Симочка пожала плечами:

– Понять не могу. Сейчас она спит, но утром к ней зашла Марго. Она обнаружила Алису на полу с телефонной трубкой в руке.

Котенок, напоминая о себе, громко мяукнул.

– Ой, какая прелесть! – восхитилась Симочка.

– Алисе несучу, – пояснила я. – Чтобы она без Германа не тосковала.

Мимо нас прогремела ведром Марго. Она остановилась, скептически глянула на котенка и вынесла бедняге жестокий приговор:

– Сдохнет.

– Что за чушь? – возмутилась я. Симочка грустно вздохнула:

– В нашем подъезде действительно не живут коты. В подростковом возрасте сдыхают.

Я толкнула дверь квартиры Алисы и жизнеутверждающе сказала:

– Мой Шустрик не умрет.

– Посмотрим, – усмехнулась Марго, устремляясь за мной в квартиру.

В прихожей я опустила на пол чемодан, поставила на столик котенка и принялась:

– Красками не пахнет.

– Какой там пахнет, – горюя, отозвалась Марго. – Алиска совсем разболелась, уже и с постели не встает. Сглазили ее эти стервы, сглазили.

Недоумеваю, о ком идет речь, я не стала рассусоливать, сразу отправилась в спальню к подруге. Она уже не спала, проснулась от громкого голоса Марго, поняла, что я приехала, и с нетерпением ждала.

– Ой, котенок! – обрадовалась она и тут же потянулась к нему.

– Это Шустрик, – пояснила я. – Шел к тебе в гости, да встретил меня в подъезде.

Алиса поверила и принялась нацеловывать котенка, ласково приговаривая:

– Ах ты ко мне в гости шел? В гости шел?

Я внимательно за ней наблюдала. Бедняжка действительно была совсем плоха: темные круги под глазами, синеватая бледность, вялость. Легкого котенка она брала так, словно он был пантерой.

– Так, – сказала я, – звоню Фаине.

Фаина – подруга Алисы. Надо сказать, что Алиса тащит по жизни длиннющий шлейф детских привязанностей: Фаина, Лора, Нюра, Карина – все змеи. Похвастать таким же количеством подруг, как и я, Алиса не может, но ей и своих довольно. На вернисаже были все те, к кому я с детства ее ревновала.

Ах, еще в детстве, приезжая в Ленинград на каникулы к бабуле, я неизбежно попадала в компанию подруг Алисы. Все они очень милы, но, уверена, терпеть не могут меня. И все по той же причине: ревнуют к Алисе. Выросли, повзрослели и даже постарели, но по-прежнему ревнуют. На вернисаже все, как одна, изобразили бурную радость, увидев меня. Слишком бурную, чтобы в нее можно было поверить.

Но вернемся к Фаине. Она психиатр, а потому исполняет в их местном кружке те же функции, что и моя Роза в нашем, – лечит всех подряд от всех болезней.

– Звоню Фаине, – сказала я и, не обращая внимания на возражения Алисы, позвонила.

Фаина с детства была очень крупной. Она правда не доросла до моей Маруси, но зато обладает таким басом, которому позавидовал бы Шаляпин.

– В чем дело? – пробубнила она. – Алиска? Опять умирает? Так бывает всегда, когда ее Герман уезжает в командировку.

Я рассердилась:

– Возможно, раньше она не паниковала и умирала себе потихоньку, но сейчас она позвала на помощь меня! Думаешь, я могу смотреть, как гибнет любимая подруга? В отличие от тебя не могу!

– А я и не смотрю, – пробасила непробиваемая Фаина. – Мне некогда.

– И все же найди время, – посоветовала я. – Осмотри Алису.

Фаина выругалась, но через час приехала. Она долго пыхтела, осматривая Алису, сердито дула в свои роскошные черные усы и наконец поставила диагноз:

– Абсолютно здорова.

– Что? – вспылила я. – Здорова? С такими кругами под глазами?

Фаина потрогала на своем носу бородавку и отрезала:

– С такими кругами я всю жизнь живу, пускай теперь и она поживет.

Я дар речи потеряла, беспомощно хватала воздух, пока Фаина упаковывала фонендоскоп в свой чемоданчик.

– Ну ладно, девочки, – пробасила она, – мне пора. Психи меня ждут. Я очнулась и закричала:

– Психи? А как же Алиска? Фаина изумилась:

– Она же не псих, вот когда у нее крыша съедет, изволь, тащи ко мне, а в другом я вам не помощник. Здорова, на мой взгляд, но если не верите, обратитесь к терапевту.

– Фаня! – завопила я. – Как же здорова? Только глянь на ее кожу! За несколько дней она стала вся в мелкую морщинку!

Фаина присмотрелась к коже Алисы и радостно нам сообщила:

– Я всю жизнь с такой живу, теперь будет жить и она. Это старость, она пока неизлечима. На этой «оптимистичной» ноте Фаина выплыла, еще раз нам пояснив, что ее ждут психи. Уже у лифта я ее отловила и, схватив за руку, отчитала за бездушие.

– Ты громче всех на вернисаже кричала, что любишь Алиску, – напомнила я.

– И не такое кричу, когда нажрусь, – пробасила Фаина.

Я плюнула и хотела вернуться в квартиру, но она сама остановила меня и прошептала:

– Мархалева, не гони волну. Алиска действительно здорова, как корова, а то, что с ней происходит, обычная хандра.

Я растерялась:

– Хандра?

– Хандра-хандра, – заверила меня Фаина. – Как психиатр тебе говорю. Круги под глазами, потому что плохо спит, тоскует без Германа. Если желаешь ей добра, не бросай одну, а развлекай. Ну все, я к психам, – и она скрылась в лифте. Я вернулась к Алисе и постановила:

– Вызываю Германа!

– Ни в коем случае! – запротестовала она. – Если ты скажешь Герману, что я больна, он бросит дела и примчится, а капиталисты мгновенно расторгнут с ним контракт. Мы останемся без денег, а без денег я сразу умру, сразу умру, – пригрозила Алиска. Я сдалась:

– Ладно, поднимайся, пойдем купаться и загорать. Ты ведешь нездоровый образ жизни.

Алиса нехотя встала, оделась, и мы отправились к заливу.

Несмотря на то, что вода в Маркизовой Луже оказалась ледяной, я заставила Алиску туда нырнуть. Сама, подрагивая от холода, мужественно стояла на берегу под порывами ветра, щедро выдавая рекомендации по здоровому образу жизни. Со смаком затягиваясь сигареткой, поведала также и о вреде курения. Здесь мне было что сказать – часами об этом вреде могу говорить, как-никак на себе испытала.

Алиса стойко плавала в ледяной воде. Время от времени она выдыхалась, останавливалась, и я вынуждена была лекцию прерывать, грозно командуя:

– Плыви! Плыви!

Всегда готова помочь друзьям, но еще больше вдохновляюсь, когда помощь ограничивается добрым советом. Здесь мне нет равных. Видимо, и в этот раз речь удалась – к нам подтянулась публика. Когда я закончила, они за малым не разразились аплодисментами, чего нельзя сказать об Алиске.

– Ты замучила меня, замучила меня, – пожаловалась эта неблагодарная, когда я ей разрешила наконец покинуть Маркизову Лужу.

– Зато какой румянец! – порадовалась я. – Не пропал даром мой труд.

Алиса же, глупая, рассердилась:

– Какой румянец? Я синяя! Я синяя! Синева и в самом деле имела, но румянец все же преобладал.

– Не опешляй моих чаяний, – посоветовала я. – Лучше побегай по берегу, укрепи сердце да заодно и согрейся.

Алиса взбунтовалась:

– Нет, я лучше буду лежать.

Она рухнула на согретые солнцем камни и подставила мягким северным лучам свою красивую бронзовую спину. Мне ничего другого не оставалось, как пристроиться рядом. Там и продолжила лекцию. Рассказывая о здоровом образе жизни, я не спускала глаз с Алисы. Она снова хорошела прямо на глазах, но я отметила, что в этот раз гораздо медленнее.

«Сегодня уже поздно, – подумала я, – а завтра надо бы отвезти ее в Сестрорецк, на мою дачу, да погонять там хорошенько. Пускай Алиска окончательно в себя придет и заодно выполет всю сорную траву – разрослась по всей даче безбожно».

Так я и поступила. На следующий день мы отправились в Сестрорецк. Моя дача – сумасшедшее количество бурьяна, то есть, я хотела сказать, земли, а в центре трехэтажный дом, и все уже много лет без присмотра. Можно представить, сколько у Алиски образовалось дел. Про Германа она намертво забыла. Начали мы с дома. Я с удивлением выяснила, что Алиска великолепно моет окна и еще лучше полы.

– Ты даже можешь этим зарабатывать, – похвалила ее я.

Когда дом засиял чистотой, мы перебрались в сад. Передать не могу, сколько Алиска выполола там сорняка. Я только диву давалась, откуда бедняга силы берет. Потом она подмела дорожки и, пока я трепалась по телефону с тетушкой Ниной Аркадьевной, расписывая ей ужасы дачной жизни, Алиска даже замахнулась на заброшенный бассейн – попыталась его от позапрошлогодней листвы очистить. Тут уж я запротестовала:

– Хватит! Оставь что-нибудь на следующий раз. Пойдем лучше в дом пить кофе.

Но и в доме Алиске покоя не было, так бедняжка разошлась. В столовой она случайно заметила, что в шкафчиках полнейший беспорядок, и, пока я кофе пила, занялась сортировкой посуды. Я ободряла ее восхищенными возгласами.

Поздним вечером мы, усталые, но довольные, вернулись в Питер. Я еще держалась кое-как, Алиса же просто валилась с ног. Но как она была хороша! Хороша снова!

Утром нас истошным криком разбудила Марго.

– Он побежал! Побежал! Видите? Видите? – кричала она.

Мы с Алисой вскочили с кровати да прямо в ночных рубашках и бросились в прихожую. Марго стояла на лестничной площадке и, лихорадочно жестикулируя, разговаривала с Симочкой, к которой я и обратилась, как к человеку трезвому, даже разумному.

– Кто и куда побежал? – пытливо спросила я.

Симочка пожала плечами и выразительно посмотрела на Марго, мол, какой с нее спрос?

Марго, заметив взгляд, надулась и, грохоча ведрами, прошествовала в оранжерею. Оттуда тотчас донеслось ее заунывное бормотание:

– Да возвратится зола к источнику живых вод, и да сделается земля плодородной, и пусть жизнь производит дерево посредством трех имен, которые суть Нетзах, Ход и Иезод, вначале и в конце, через Альфу и Омегу, которые заключаются в духе Азота. Аминь.

На лице Алисы появилось благоговение, а мы с Симочкой переглянулись.

– Что это она там заговаривает? – подозрительно спросила я.

– Растения, наверное, – с важным видом пояснила Алиса. – Слышала же, речь идет о золе, о дереве.

Симочка покачала головой и спросила:

– Здесь кофе еще угощают?

– Угощают, – заверила я.

И мы отправились пить кофе. Симочка с удивлением отметила:

– Алиса, ты сегодня великолепно выглядишь.

– А все потому, что пропала хандра, – с гордостью сообщила я. – Алька погибает от безделья.

– Сама же запретила мне работать, – буркнула Алиса.

Я рассмеялась:

– Ха! Работать! Картины малевать! Это она называет работой!

Симочка хотела что-то сказать, судя по выражению лица, вступить за Алису, но, слава богу, ей помешала Марго. Она снова истошно завопила:

– Он побежал! Побежал!

Мы дружно бросились в оранжерею. Марго забила в угол, прикрылась ведром и, тыча пальцем в пол, неистово орала:

– Он побежал! Побежал!

Алиса испуганно таращила глаза, Симочка с трудом прятала улыбку, я же спросила:

– Кто побежал? Человечек в черных чулках?

Марго отрицательно помотала головой и заговорщицки прошептала:

– Нет, в платице с кружевами и рюшами.

– Что? – удивились мы хором.

– В платице в горошек, – повторила Марго. – С кружевами и рюшами. Симочка удивилась:

– В платице? В горошек? Почему же тогда – он?

– Потому что гомик, – пояснила Марго. И над нами нависла тишина.

– Тварь это воздушная, – стекленея глазами, поведала Марго.

Признаться, мне стало жутко. «Как Алиса не боится с ней в доме оставаться?» – удивилась я.

А Марго осенила крестным знаменем углы оранжереи и забормотала:

– Пусть будет Михаэль предводителем и Сабтабиель моим рабом в свете и светом. Пусть сделается слово моей внешностью, и я повелю духам этого воздуха и обуздаю коней солнца...

– Марго! – крикнула я ей в ухо, – это тебя уже пора обуздывать! Пора Фаину вызывать!

Она абсолютно никак не отреагировала, продолжая свое:

– Пентаграмматоном и именем Иеве, в которых сосредоточено сильное желание и чистая вера.

Аминь.

Алиса смотрела на все это безобразие с легким обожанием и снисходительной улыбкой. Дурдом какой-то!

Судя по всему, Симочка такого же мнения была.

– Та-ак, – сказала я, – ну вы тут оставайтесь, а мне домой пора.

Оставив Марго в оранжерее, мы, минуя безжизненную мастерскую, спустились в столовую, допили кофе, и я начала собираться.

– Пойду и я, – сказала Симочка, поднимаясь. – Не провожайте.

Она вышла, мы же с Алиской начали прощаться – у нормальных женщин на это порой уходят часы. Я только хорошенько разогналась пожелать здоровья Алисе, как из прихожей раздался крик. На этот раз кричала Симочка. Мы с Алисой бросились к ней. Побледневшая Симочка стояла, прижавшись к стене. Глаза ее испуганно сверлили пол, на котором, кроме ковра, ничего не было.

– Гомик? – спросила я.

Симочка отрицательно покачала головой.

– Человечек в черных чулках? – спросила Алиса.

Симочка снова покачала головой.

– Нет-нет, – пробормотала она, – ничего, просто голова закружилась.

С этими словами она выбежала из квартиры. Мы с Алисой переглянулись.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я.

– Великолепно, – ответила Алиса и поспешно Добавила:

– Человечков пока не вижу.

– Ну тогда я, пожалуй, поеду налаживать отношения с Евгением, а ты меньше думай о Германе и займись чем-нибудь. Не, ровен час погибнешь от безделья.

– Сама же запретила мне картины писать, картины писать, – обиженно пропищала Алиса.

Я посмотрела в ее огромные, слегка раскосые синие глаза, опущенные длинными, самой природой загнутыми до бровей ресницами, и подумала:

«Кукла, настоящая кукла».

Несмотря на то, что мы ровесницы, меня с детства не покидало ощущение, что моя Алиса кукла, с которой можно делать все, что угодно: кормить, причесывать, наряжать, ругать, воспитывать и укладывать спать. Возможно, причиной тому является удивительная ее покладистость.

– Сама же запретила мне писать картины, сама же запретила, запретила, – жалобно мямлила Алиса, наивно хлопая ресницами.

«И это взрослая женщина? Ох, когда же она выйдет из девичьего возраста?» – подумала я и со вздохом сказала:

– Ладно, пиши свои картины. Пиши, да не увлекайся и чаще бывай на воздухе, на воздухе.

– Ура! Ура! – закричала Алиса, пытаясь задушить меня в своих объятиях.

Глава 5

– Ваш кофе, сеньор.

Крахмальная стюардесса остановилась перед пожилым кареглазым мужчиной.

«Что делает в туристском классе этот богач? – подумала она, заученно улыбаясь. – Запонки, булавка в галстук, костюм... Целое состояние!»

– Грация, сеньорита, – машинально кивнул элегантный сеньор, принимая кофе от стюардессы.

Взгляд его был прикован к юному очаровательному созданию, замеченному им еще в Монреале, где он вошел в самолет.

Сеньор осторожно поднес к губам обжигающе горячий кофе, с интересом наблюдая за тем, как озорно жестикулирует юная красавица. С этими грациозными жестами и милой улыбочкой она мучила, просто пыталась своего спутника, судя по всему, отца. Бедняга явно хотел вздремнуть, девушка же требовала общения. Она нетерпеливо желала знать, когда приземлится самолет.

– Хочу попрактиковаться в испанском, – обнаруживая милый акцент, твердила она.

– Успеешь еще, – успокоил ее спутник, – я очень на тебя рассчитываю. Поможешь мне переводить техническую документацию.

– О-о! – Девушка в притворном ужасе сжала пальчиками виски. – Чертежи и пояснительные записки на языке Сервантеса. Самого Сервантеса! Это нужно запретить законом!

Серебристый «Боинг» компании «Пан Америкен» опустил с прохладных высот в знойное марево горной котловины, к обрамленному скалистыми пиками Мехико, бурлящему, кипящему во влажной экваториальной жаре.

Пассажиры уже разобрали багаж и разъехались. Девушка и ее спутник все еще томились в таможенной зоне, беспомощно вытягивая шеи. Тщетно. Обнаружить в толпе встречающих табличку со своими именами им так и не удалось.

– У вас затруднения? – Низкий голос с приятными интонациями звучал красиво.

Девушка оглянулась, растерянно уставилась на незнакомца.

– Могу вам чем-нибудь помочь? – с доброжелательной улыбкой спросил он.

Пожилый мужчина демонстрировал изысканные манеры и, на первый взгляд, был приятен.

– Скоро ли ближайший рейс на Коацакоалькос? – оживившись, спросила девушка. – Нас не встретили...

Ее спутник с чемоданами стоял рядом, явно не понимая испанского.

– Коацакоалько? – обрадовался любезный незнакомец, произнося название города на индейский манер. – Вам нужно на юг?

– Да, сеньор, – подтвердила девушка. – Нас никто не встретил, – огорченно повторила она. – Скажите, можно ли туда улететь?

– Завтра, сеньорита.

Девушка огорчилась:

– О-о! Как же нам быть?

– Но если вам не покажется назойливым мое предложение, то вы можете лететь сейчас же, со мной, – приятно улыбаясь, предложил незнакомец.

Девушка перевела разговор отцу.

– Я очень спешу, – кивнув пожилому сеньору, сообщил тот, – передай этому господину, что мы рады воспользоваться его любезностью. Но... выходит, что у него есть свой самолет?

– Да, да, – словно поняв, о чем идет речь, ответил незнакомец, – у меня есть самолет. Небольшой, но очень надежный.

Только теперь спутник девушки заметил крупные бриллианты в запонках и булавке незнакомца. Пробежался взглядом по его дорогому костюму. Почувствовал неловкость.

– Мы будем очень вам признательны, – робея, сказал он, – но... мы ограничены в средствах. Девушка, краснея, перевела.

– О, это не имеет значения, – улыбнулся любезный сеньор. – Мне нужно туда же, куда и вам. Не лететь же в одиночестве.

– Мы будем вам очень признательны, – повторил спутник девушки.

Он протянул руку, с поклоном представился:

– Анатолий Горов, инженер-гидротехник, лечу вот с дочкой по контракту.

Любезный сеньор, улыбаясь, пожал руку инженеру, коснулся губами изящных пальчиков девушки, представился:

– Друзья зовут меня Энрике Диас.

Через сорок минут маленькая двухмоторная «Чесна», покинув аэропорт Мехико, взяла курс на юг.

Радужный сеньор Диас вслушивался в милую болтовню молоденькой спутницы, щебетавшей без умолку то по-русски, то по-испански.

– Папа нервничает, потому что опаздывает, – рассказывала девушка, – он специалист по гидротехническим сооружениям. В порту Коацакоалькос уже вторые сутки простаивают корабли из России. Всякие драги и землечерпалки. Простой – это очень дорого, а без папы они не могут начать работы. Мы не понимаем, почему нас никто не встретил.

– Всякое случается, юная сеньорита, – успокоил ее сеньор Диас. – Во всем есть смысл, и все имеет значение. Люди порой не понимают знаков судьбы...

– Сеньор Диас, – голос пилота, снявшего наушники, прозвучал напряженно. – Погода ухудшилась. Нам не следовало вылетать из Мехико. Грозовой фронт движется с залива. Метеорологи предупреждали...

– Что могут знать твои метеорологи о воле богов, Рауль? – безмятежно улыбаясь, прервал пилота сеньор Диас.

Как ни странно, но летчик успокоился. Он изменил курс, уводя машину от берега Мексиканского залива. Вскоре под крыльями «Чесны» поплыли горы, рассеченные речушками, стремящимися к морю.

Первый порыв урагана настиг самолет над горами. Машину тряхнуло, как на гигантской колдобине, затем она ухнула вниз. Пассажиры вцепились в ремни безопасности. Руки пилота побелели от напряжения, сжимая штурвал.

Девушка охнула, закрыла глаза: Ее отец, стараясь подражать невозмутимости сеньора Диаса, принялся ее успокаивать.

Ураган подхватил самолет. Натужно ревущую моторами «Чесну» швыряло, как щепку в океане. Люди оцепенели, лишь пилот продолжал сражаться с грозной стихией. Молнии, огненными столбами проносясь мимо, освещали напряженные лица инженера Горова и его дочери.

Один лишь сеньор Диас продолжал улыбаться. Безмятежно, даже счастливо посверкивая своими раскосыми глазами, он что-то бормотал.

Объятая ужасом девушка теребила рукав отца. Слова ее тонули в грохоте бури и реве изнемогающих от непосильной нагрузки моторов. Сеньор Диас нежно коснулся пальцами ее обнаженного плеча, склонился к ней.

– Не нужно бояться, юная сеньорита, – оптимистично прокричал он. – Все закончится благополучно.

Девушка округлившимися от ужаса глазами всматривалась в лицо Энрике Диаса, лучшее счастье. Шляпа сеньора слетела, обнажив его странную, яйцевидную, обритую наголо голову. Чем-то жутким и необычным веяло от него. И эта пугающая веселость... Его улыбка... Он походил...

«На статуи с острова Пасхи. Только они не улыбаются...» – подумала девушка.

Сердце ее сжалось, забилося тревожно, она испуганно оглянулась на отца, как бы ища у него защиты. Мелькнула мысль: «А вдруг этот страшный человек специально завлек нас сюда, в бурю, в ревушую тьму...»

Девушка в ужасе отшатнулась от сеньора Диаса, Дрожа, прижалась к отцу.

Молния сверкнула совсем рядом с крылом «Чесны». Самолет содрогнулся. Его левый мотор чихнул, грохотнул выхлопами и заглох. Остановился пропеллер. «Чесна» подбитой птицей легла на крыло, заскользила вниз. Все ближе, ближе к невидимым горам, ощерившимся скалистыми пиками.

– Господи, господи, помоги, – шептали губы девушки.

Ее ослепительно белые зубки выстукивали дробь. Она вцепилась в руку отца. В широко открытых глазах застыл ужас. Отец девушки, вжавшись в кресло, всеми силами старался сохранить самообладание, но и в его глазах метался страх.

Пилот лихорадочно терзал стартер, пытаясь запустить аварийный мотор.

– Сеньорита! Сеньорита!

Диасу удалось перекричать грохот урагана. Девушка обернулась. Светясь доброй улыбкой, сеньор Диас протягивал ей какой-то предмет.

– Нет!! – закричала девушка.

Душа ее переполнилась беспричинным страхом. Она не понимала, почему отказывается. От чего отказывается.

– Нет!!

Но сеньор Диас, склонившись к самому ее уху, прокричал:

– Боги моей земли спасут вас.

– Нет-нет, не надо. – Девушка дрожала и уже ничего не понимала.

– Я открою вам выход, – настаивал сеньор Диас.

Он отстегнул ремень, чтобы дотянуться до девушки, и набросил на ее шею медальон. Скорее амулет.

На тонкой золотой цепочке повис, вырезанный из зеленого нефрита, свернувшийся в кольцо ягуар с лицом младенца.

И в тот же миг второй мотор «Чесны» остановился. Пилот откинулся на спинку кресла, даже не пытаясь запустить двигателя. Лицо его было спокойно. Он обернулся к сеньору Диасу, и они обменялись улыбками.

Самолет швыряло и вертело. Руки пилота лишь слегка придерживали штурвал.

– Мы теперь разобьемся? – жалобно спросила девушка.

– Нет, – улыбаясь, ответил сеньор Диас. – Сейчас вы все поймете. Вам ничто не грозит. Я расскажу...

И он заговорил. Удивительный язык, звучный и насыщенный согласными, заполнил кабину падающей «Чесны». Девушка перестала дрожать, вслушиваясь в чарующую музыку этой речи. Совершенно непонятной и... такой понятной...

* * *

Четыре ветра легли у ног Атуэя. Вздогнул творящий лики богов. Исповедался камню. Играя, скользнули ветры под золото рек, текущее с плеч Атуэя.

Сколько золота скроет холод души? О, сколько золота!

Кожа древних рептилий терзает тело. Шипастая, вросшая в плоть. Вздогнули ветры, ткнувшись в злобу рептилий. В дремлющий холод, пьющий горячую кровь. Кровь Атуэя!

Сколько крови нужно бездушной злобе? О сколько крови!

Четыре ветра лизнули ноги.

Четыреста лунных дней ждал их Мастер. Рыдала Земля Любви обреченно.
Псами ветры легли к ногам Атуэя.
Четыре ветра!
Горячий ветер – дитя пустыни. Дыханье страсти.
Ласковый ветер – любимец равнин лесистых.
Гордый ветер – отпрыск вершин непокорных.
Свирепый ветер – пасынок белых просторов. Шквальная злоба смерти.
Четыре ветра.
Четыре корня души!
Прекрасным днем полнолуния, в праздник Белой Змеи, роздал душу ветрам Мастер.
Роздал, утратив любовь. Утратив надежду.
Взвились ветры. Дохнули в лицо Атуэю стужей. Дунули зноем. Оседлали стороны света.
Сколько лун мчались к дому ветры? О, сколько лун!
Свирепый достиг Края Мира. Не медлил. Замер, кружась с разбегу. Воин с мечом из седого металла путь заступил. Заскулил, умоляя, ветер.
Дар Атуэя потребовал стражник. Скрылся ветер, стена. Сгинул в белой пустыне.
Севера царь всемогущий отнял добычу стража.
Отдал Горячий ветер царю Пустыни бесценную ношу.
Заплатил за свободу душой Атуэя Гордый ветер царю Непокорных горцев.
Плача отдал достояние Ласковый ветер царю Лесной благодати.
Четыре стороны света – четыре части души.
Сколько лун стенала душа Атуэя! О, сколько лун!
Царь Царей собрал воедино душу. Обезглавил владык надменных.
По следам памяти предков добрел Атуэй до цели. До дворца Всемогущей Власти. Тысячу мер нефрита сложил он у ног владыки.
Лишь рассмеялся великий.
– Я отберу твой нефрит, Мастер. А за душу куплю рабыню. Прекраснейшую из смертных.
С кожей весеннего аромата.
Я обрету Забаву!
Тщетны мольбы Атуэя. Нет у царей сострадания. Покинул Мастер Всевластье. Омыл шипастую кожу.
Власть заразна!
Обнялись ветры. Взметнулись над Розовым морем. Подперли небо воронкой. Обрушили силу гнева. Рухнул дворец Всевластья. Прах Владыки развеян.
Бережно вынесли ветры рабыню. Оставили на дороге. Путь указали к Синим озерам. Оставили обнаженной. Ту, что стала бесценной.
Сколько лун шла рабыня к Священным Водам! О, сколько лун!
Пот со лба катился на груди. Падал с сосков животворной влагой.
В пыль! В пыль!
Родники оживили землю. Сады расцвели за спиной.
С полпути ее встретил Мастер. Священную воду принес он. От Синих озер. В кувшине из Глины неба.
– Сколько лун шла ко мне ты? Сколько лун! Омыл синевой ее тело.
Ответ упал, как сухая пальма. Слово царапнуло веткой.
Легко улыбнулся Мастер. Взглянули они друг на друга. Глаза их соком алоэ смазали трещины тела. Шелухой прошлогодней спала шипастая кожа рептилий.
Стража схватила их, скованных счастьем. Смерть посулила, Пернатым Змеем поклявшись.
За разврат! За святотатство!

Перед казнью украсил Мастер плечо рабыни рисунком. Легкий кораблик вздрогнул, поплыл по атласной коже. Ожил, слегка качнулся. Хлопнул приветливо парусами.

– Татуированная Аматтальяма, – Мастер назвал ее имя. – Ты обретишь свободу! Любовь моя больше безумья. Любовь моя выше смерти.

Не думай! Взойди на корабль. Плыви.

Спасайся!

Смахнула слезу Аматтальяма. Коснулась рукой рисунка. Закрыла глаза. Шагнула на зыбкий кораблик.

Ожил он, унося Аматтальяму.

Прочь от смерти!

Прочь от неволи!

В Землю Вечной Любви.

Вновь покрылся Мастер кожей рептилий. Ускользнул, шелестя травой. Замер, питаюсь лучом закатным.

Долго ли ждать вас, четыре ветра?

Долго!

* * *

«Чесна» вынырнула из водяной мглы. Буря иссякла внезапно. «Дворники» смахнули со стекол остатки дождя. Пассажиры ахнули. Самолет приближался к скалистой гряде. Видны стали даже трещины, струящиеся по грубому камню, омытому ливнем.

Сеньор Диас просветленно смотрел на приближающуюся гибель.

Пилот ожил. Руки его уверенно потянули на себя штурвал – самолет, едва не чиркнув хрупкими крыльями по утесам, накренился, заскользил в полной тишине у самых скал. Крылья «Чесны» поймали восходящий поток воздуха. Самолет взмыл, вновь развернулся и начал тихо планировать в ущелье. Лишь ветер шелестел вдоль крыльев.

Инженер Горов, вжавшись в кресло, все так же, с мучительным страхом ожидал конца полета. А вот девушка взирала на происходящее уже с безмятежным весельем, как и сеньор Диас.

– Не нужно волноваться, сеньор Горов, – успокоил инженера Энрике Диас.

– Да, да, папа, – улыбаясь, перевела девушка. – Не волнуйся. Все будет хорошо. Рауль благополучно посадит самолет.

Отец вымученно улыбнулся.

– Все, – хрипло заявил он, – больше никогда не рискну оторваться от земли. Рожденный ползать летать не может.

– Вы не правы, – усмехнулся сеньор Диас.

– Папа, ты не прав, – рассмеялась и дочка. Уверенность летчика, веселое спокойствие Энрике Диаса и дочери понемногу передались Горову. Он, заметно приободрившись, поглядывал на Рауля, уверенно пилотировавшего самолет, превратившийся в планер.

Далеко внизу, в ущелье, глаза пилота заметили тонкую линию автомобильной дороги. Рауль дал возможность «Чесне» потерять высоту, вновь развернул ее, ловя восходящий поток. Снизился.

Машина скользнула к мокрому асфальту. Чуть помедлила, выбирая участок поровнее. Мягко коснулась дороги. Шум колес, катящихся по асфальту, музыкой прозвучал в ушах пассажиров.

«Неужели мы живы?» – подумал Горов.

Глава 6

Вернувшись в Москву, я тут же включилась в налаживание семейных отношений. «Налаживание» – крепко сказано, учитывая, что мой муж уже не мой муж, а семейные отношения у него теперь сплошь с моей подругой.

Но надежды я не теряла, не вешала нос, а героически решила вернуть себе то, от чего отказалась не так давно практически добровольно. На этот раз я Юльку донимать не стала, сразу позвонила Евгению на работу. Он не удивился и не обрадовался.

– А, это ты, – вяло откликнулся он, явно стараясь меня обидеть.

Я не пошла у него на поводу, прекрасно понимая, что он уязвлен. Евгений всегда считал, что я слишком много внимания уделяю подругам, в последнюю нашу встречу вышло, что я и вовсе не ему отдала предпочтение. Каким-то там Тамарке и Алиске. Потому-то я и решила сразу брать быка за рога. Не раздумывая, сказала:

– Женя, Алиса умирает! – Он взревел:

– Что-о-о?!

– Да, – подтвердила я. – Когда ты ушел, она потеряла сознание и осталась жива лишь благодаря тому, что я к ней примчалась.

Видимо, речь моя оказалась слишком пространна. Евгений успел прийти в себя и даже обзавестись сомнениями. Зря я дала ему опомниться.

– Соня, опять ты за, свое? – спросил он. – Ну сколько можно выкручиваться? Я устал. Оставь меня в покое. Дай мне жить.

– А кто тебе не дает, кто не дает? – глупо хихикая, спросила я. – Только Алиска действительно умирает непонятно от чего.

– У нее есть Герман, – напомнил Евгений.

– Герман в командировке, – укоризненно сказала я. – Ты бы бросил своего Серегу, если бы он нуждался в помощи?

Затронув святое, я, как ни странно, выиграла. Евгений сначала вызверился. Закричал: «Серегу не трожь!», но одумался и сказал:

– Ладно, проехали. Я тоже немного не прав. Нужно было дождаться конца вашей болтовни. Но, Соня, честное слово, порой ты бываешь...

– Невозможной, – подсказала я, не веря своим ушам.

«Господи, – подумала я, – за что ты мне, грешной, такое счастье посылаешь? Голову на отсечение дам, Женька настроен на мир. Думаю, Юлька его уже достала. Видимо, и в самом деле все познается в сравнении. Ничего, после Юльки он еще и не так оценит меня! После Юльки он будет носить меня на руках похлеще, чем Герман Алиску!»

– Да, – согласился со мной Евгений, – Тамарка права, ты действительно невозможная, но я поделаться с собой ничего не могу, люблю тебя, дуру, и все.

«Как милы наши мужчины, – замирая от счастья, подумала я, – даже признаваясь в любви, они норовят нагрубить. Это все от излишней стеснительности. Застенчивые до грубости».

– Я тоже, дура, тебя люблю, – призналась я, и этим же вечером Евгений был у меня.

На этот раз я развернулась по полной программе. Не буду описывать подробно. Скажу только: прическа, платье, туфли – просто блеск!

Я и Евгений сидели при свечах в гостиной, слушали англоязычные песни, пили французское вино, закусывали швейцарским сыром и вспоминали первые дни нашей любви. Оба сгорали от страсти и бросали красноречивые взгляды в сторону спальни. И оба героически держали себя в руках, не желая обнаруживать запредельную степень чувств. Я из понятных соображений: из женской гордости, нечего ему думать, что я от него без ума. А по какой при-

чине сдерживался Евгений – понятия не имею. Думаю, из вредности и глупого упрямства, присущего всем мужчинам без исключения.

Наконец Евгений сдался, покинул кресло, обнял меня, страстно выдохнул:

– Соня, я так соскучился...

И в этот значительный момент раздался телефонный звонок. Памятуя о подозрительности Евгения, я трубку сняла, настраиваясь на разговор, но разговора не состоялось.

– Соня, – пролепетала Алиса, – я умираю. Если в чем виновата перед тобой, прости, прости...

И она повесила трубку. Я в растерянности посмотрела на Евгения и прошептала:

– Алиса опять умирает...

Он почему-то взбесился:

– Что значит «опять»? Ты же утверждала, что она умирает, так почему «опять»?

Я ничего лучшего не придумала, как оправдываться.

– «Опять» потому, что она то умирает, то оживает, то снова начинает умирать, – промямлила я, чем окончательно разозлила Евгения.

– Ты совсем завралась! – рявкнул он, вылетая в прихожую. – Еще неизвестно, кто тебе звонил! Я, как дурак, примелся со своими объяснениями, а у нее не нашлось и часа, чтобы спокойно посидеть! Э-эх! – заключил он, хлопнув дверью.

Я, прижимая трубку к груди, застыла, не в силах поверить в то, что произошло.

«Он ушел? – стучало в висках. – Ушел? Снова? Чертова Алиска!!»

Вспомнив про нее, я вспомнила, что Алиска умирает. Я попыталась дозвониться до бедняги, но безуспешно. Тогда я позвонила Симочке. Введенная мной, она помчалась к Алисе, но вскоре вернулась.

– Соня, Аля не открывает дверь, – дрожащим голосом сообщила Симочка.

– Дуй к Марго, у нее есть ключи, – скомандовала я и бросилась упаковывать чемодан.

Позвонила Симочка. Она была в панике, куда-то подевалась Марго. Я тоже запаниковала, злясь на Евгения, на обстоятельства, на бестолковость Симочки. Будь я рядом с Алисой, не возникло бы таких проблем, уж я бы отыскала Марго. Тьфу! Да на кой мне она нужна? У меня у самой есть ключи от квартиры Алисы.

Я забросила чемодан в багажник, села за руль «Мерседеса» и помчалась в Санкт-Петербург.

* * *

Едва я вышла из лифта, как на лестничную площадку выпорхнула Симочка.

– До сих пор не нашла Марго! – заламывая в отчаянии руки, закричала она. – Соня, нужно слесаря вызывать!

– Зачем? – удивилась я, шаря по карманам в поисках ключей.

– Чтобы дверь ломать. Отыскав ключи, я смело заявила:

– Дверь ломать не придется.

Мы вошли в квартиру. Алиса лежала на полу в холле в двух метрах от дивана. Ее прекрасные широко распахнутые глаза казались безумными. Губы шевелились, не издавая ни звука, руки беспомощно скользили по паркету.

– Алиса! – закричала я. – Алиса!

Она вздохнула и еле слышно прошептала:

– Со-оня...

– «Скорую»! – взвизгнула Симочка, бросаясь к телефону.

«Скорая» приехала быстро – Симочка их застрашала, сказала, что гибнет известная художница. Я добавила масла в огонь, по ходу расписывая Алискины недуги.

Медики так впечатлились, что, недолго думая, погрузили Алису на носилки и помчали в клинику. Мы с Симочкой следом. В приемном отделении я щедро раздавала автографы, требуя особого внимания к себе и к пациентке.

– Вы должны подвергнуть мою драгоценную Алису тщательнейшему обследованию! – взывала я. И ее подвергли. И ничего не нашли.

– Для своего возраста она практически здорова, – сказал профессор.

– Здорова? – хором закричали мы с Симочкой. – А как же обмороки?

Профессор пожал плечами:

– Единственное, что можно выделить, так это ее редкую впечатлительность.

Я рассердилась:

– С этой своей впечатлительностью она всю жизнь жила, но в обмороки никогда не падала. Скорей падали от нее остальные, живущие рядом.

– И все же, думаю, что обмороки отсюда, – важничая, произнес профессор. – Полезно, впрочем, понаблюдаться у невропатолога и, не пугайтесь, у психиатра.

«Вот до чего Алиска дожила, – подумала я, – уже и Фаня ей пригодилась».

В тот же день я позвонила Фаине и подробнейшим образом ввела ее в курс.

– Ну вы даете, – гаркнула она. – Если б я и взялась за Алиску, так лечила бы ее только от врожденного идиотизма.

Здесь я вступилась за подругу.

– Она умом не блещет, это да, – согласилась я, – но и подозревать ее в идиотизме не вижу причин.

– Как же? – удивилась Фаина. – Она же во всем слушается тебя, что характеризует ее исключительно как идиотку.

– То, что Алиса слушается меня, – парировала я, – говорит о ее уме. Его хватило, чтобы разобраться, кого надо слушаться, чего не могу сказать о тебе.

Я возмущенно бросила трубку и постановила:

– Алиса! Ты абсолютно здорова!

– Все так говорят, – уныло согласилась она. Я призадумалась. И в самом деле, как-то странно развиваются события. Все заверяют, что Алиса здорова, а бедняжка чахнет прямо на глазах, и никому нет до этого дела. Безобразие!

– Скажи, дорогая, – спросила я, – когда это началось? Ты помнишь тот день, когда первый раз почувствовала себя плохо?

– Да, – ответила Алиса, – хорошо помню. Мне стало плохо сразу после вернисажа. До этого я была счастлива и здорова, на вернисаже, ты же помнишь, тоже от радости сходила с ума, всех друзей собрала, ликовала... А на следующий день с трудом поднялась с постели, хотя накануне почти не пила. Так, бокал шампанского, бокал шампанского...

Я вспомнила слова Марго. «Сглазили ее эти стервы, сглазили», – сказала она.

«Так вот о ком идет речь, – наконец догадалась я. – Под стервами Марго имела в виду подруг Алиски: Фаину, Лору, Нюрку и Карину».

– Понятно! – воскликнула я. – Слишком ты радовалась. Кому-то радость твоя костью поперек горла встала. Признаться, я считала глупостью твою затею с колдуньей, но теперь так не считаю.

Алиса воспряла духом. Начала рассказывать, что Марго отыскала ей приличную ворожею, которая и прошлое, и будущее видит, и любое проклятье может снять, и приворожить, и все остальное.

Я заинтересовалась:

– Кстати, а куда подевалась твоя Марго?

– Ах, – вздохнула Алиса, – Маргуша сказала, что и шагу не ступит в мой дом, пока я не посетую ворожею. Она вообще уехала в деревню к маме.

– А мы сегодня же и поедem к ворожее, – скомандовала я.

* * *

Ворожея отнеслась к своим обязанностям серьезно, долго крутила Алису, выпрашивала о ее болячках, непонятно с чего вдруг заинтересовалась ее позвоночником, потом напоила нас кофе, разложила карты, бросила кости и вынесла приговор.

– Сглазили! – сказала она. – Сглазили из-за крашеной ткани!

– Нельзя ли поподробней, – попросила я, по собственному опыту зная уже, как тяжело извлекать информацию из ворожей.

– К чему подробности? – удивилась она. – Тут лечить надо, сильно лечить. Лечиться будете? – с надеждой спросила она Алису.

– Будем, – решительно ответила я за подругу.

– Тогда устраивайся вон на том диване и не мешай, – скомандовала ворожея.

Она извлекла из антикварного шкафа зеркало.

Поставила на стол металлическую плоску и сноровисто развела в ней огонь, используя для этого сухой спирт.

Широким жестом ворожея провела зеркалом над головой Алисы. Подняла глаза к потолку и заунывно загундосила:

– О, Предвечный! О, Предвечный царь! Бог неизреченный, создавший все из любви к людям и для блага их. Воззри на меня, Алису, твою недостойную слугу, на мое чистое намеренье. Удостой послать ко мне ангела своего Анаеля...

«С таким лечением и Марго отлично справилась бы, – подумала я. – Молитву к гномам весьма шустро читала».

Между тем ворожея бросила в огонь щепотку желтого порошка, и в комнате запахло шафраном.

– Предлагаю тебе курение, о боже мой. Триединый, благий, стоящий превыше херувимов, – громогласно сообщила она.

Я заскучала, Алиса же преисполнилась благоговения. Заметив это, ворожея вдохновилась, раскраснелась от удовольствия, заважничала. Она сунула зеркало в дым, струйкой поднимающийся над плоской, и жалобно запричитала:

– Приди, Анаель, приди! Приди ко мне добровольно...

Я же мысленно добавила: «Пока по-хорошему просим».

Ворожея, словно услышав мои мысли, сердито буркнула:

– От вас плохая энергия исходит.

– Мой бывший муж целиком с вами согласен, – ответила я.

– Со-оня, – взмолилась Алиса.

Взгляд ее был полон укора. Я примолкла, а ворожея, торжествуя, продолжила свое дело.

В общем, это все довольно долго тянулось; я умирала с тоски. Скукотища невообразимая. Лучше бы на эти деньги раз сто сходила в оперу. Ворожея, по-моему, уже повторяться начала, но все же до конца процедуры добралась. Передать не могу моей радости, когда она, повизгивая, закончила:

– Восхваляемый небесными духами, живущий и царствующий в вечности! Да будет так!

Алиса была близка к оргазму, когда ворожея истово перекрестила зеркало и облегченно сказала:

– На сегодня все.

– Как это все? – изумилась я. – Алиса что же, выздоровела?

– Ишь, какая скорая! – возмутилась ворожея. – Сорок пять дней еще повторять процедуру буду. Тогда зеркало окурится и в нем появится Анаель в виде прекрасного ребенка. Вот тогда его можно просить исполнить все желания.

– Какие желания, какие желания? – заинтересовалась Алиса.

– А любые, – махнула рукой ворожея. – Можно ту, что сглазила тебя, совсем извести. А можно порчу на нее наслать. Ну уж само собой нужно просить, чтобы Анаель с тебя снял порчу.

Ворожея шустро собрала все свои магические вещички.

– Ты бы заплатила, милая, – сказала она, обращаясь почему-то ко мне.

– Сколько? – спросила Алиса.

Наглая ворожея назвала такую сумму, что у меня дыхание перехватило. Я перемножила ее на сорок пять дней и пришла в ужас.

– Нельзя ли что-нибудь покороче и поэффektивнее? – поинтересовалась я и мысленно добавила: «И подешевле».

– Можно, – кивнула головой ворожея. – Но за этот сеанс плату все-таки внесите. Иначе Анаель разгневется.

– Ладно, – согласилась я, – заплатим, но только после окончательного излечения.

Поумневшая ворожея на этот раз связываться со мной не стала, а увела Алису в другую комнату.

Лечила она ее там недолго, а сумму запросила, на мой взгляд, астрономическую. Я попыталась спорить, но Алиса безропотно заплатила.

– Скажите хотя бы, когда она выздоровеет? – в глубине души обливаясь слезами, спросила я.

– Уже здорова, – отрезала ворожея, и мы отправились домой.

Через каждые десять минут я интересовалась у Алисы:

– Как ты себя чувствуешь?

– Лучше, лучше, – улыбалась она. Когда мы проезжали мимо цветочного салона, она попросила притормозить.

– Зачем? – удивилась я. Алиса загадочно улыбнулась.

– Сонечка, ты знаешь, что нынче в моде бутоньерки? – спросила она.

– Знаю, – ответила я, – и очень люблю приколотые к одежде цветы, но они, к сожалению, недолго живут.

В глазах Алисы появился озорной блеск.

– В этом салоне продаются чудесные бутоньерки с каким-то французским составом! – ликуя, воскликнула она. – Представляешь, цветок в такой бутоньерке способен жить дня три, если не неделю. Я подарю тебе, это чудо!

– Зачем? Пойду и сама куплю.

– Ты так много со мной возишься, хочу тебя отблагодарить, – обиженно надула губки Алиса.

– Что ж, пожалуй, я действительно заслужила. Иди, подари мне эту бутоньерку.

Алиса выпорхнула из машины. Вскоре на моем воротнике красовался букетик живых цветов: в малюсенькой пробирке жили три миниатюрные розочки. Прелесть! Прелесть!

Я расцеловала Алису, она же просто торжествовала. Я опять подумала: «Кукла, настоящая кукла».

* * *

– Ах, Соня, – входя в квартиру, воскликнула Алиса, – похоже, колдунья и в самом деле вылечила меня! Пойдем, покажу свою новую картину.

– Пойдем, – сказала я, направляясь в мастерскую исключительно из желания получше рассмотреть Алису – там хорошее освещение.

Пока Алиса хвалилась вдохновением, сподвигшим ее на создание серо-буро-малинового пятна, безобразно расплзшегося по холсту, я придирчиво всматривалась в ее лицо. Она действительно посвежела.

– Аля, ты как себя чувствуешь? – спросила я.

Она удивилась:

– Я же сказала, чудесно. Просто великолепно. Можно, останусь в мастерской и немного поработаю?

– Можно, – разрешила я, – но, умоляю, не называй это работой, потому что тогда непонятно, чем занимаются все остальные, приносящие пользу государству, себе и людям.

Оставив Алису с ее мазней, я спустилась вниз. Тщательнейшим образом осмотрела ее квартиру на предмет колдовства. С лупой облазила все углы, исследовала окна и стены, но, кроме нескольких воткнутых в обои иголок, ничего не нашла. Под ковром обнаружилась, правда, еще записка, написанная почерком Марго.

«Глава мертвых пусть прикажет тебе, Владыка, через живого и посвященного змея! Херуб пусть прикажет тебе. Владыка, через Адама Иотхавах! Блуждающий орел...» – прочитала я.

Плюнула и забросила скомканный клочок бумаги под диван.

«Иголки воткнула сама Алиса, – решила я, – писанина Маргушина, в остальном – полный порядок. Но ворожея и не говорила, что Алисе кто-то вредил. Она сказала, что сглазили, следовательно, просто кто-то позавидовал».

Я начала припоминать вернисаж, после которого Алиса пригласила подруг на чашечку кофе. Старательно перебрала в памяти лица всех этих змей и пришла к выводу, что если Алису и сглазили, то все хором. Фаина напилась и назойливо кричала, что обожает ее, но рожу у нее далеко не любящая была.

Лора Ибрагимовна жмурилась от удовольствия. Ласкала Алису взглядом, но в уголках красивого рта затаила змеиную улыбочку.

Красавица Нюрка, лишь только мы вошли в холл, устроилась напротив зеркала и принялась изучать то себя, то Алису, явно сравнивая и, очевидно, приходя к мнению, что сравнение совсем не в ее пользу.

Карина вела себя очень естественно. К ней, увы, придраться я не могла, так искренне выглядели все ее похвалы, но чего еще ждать от артистки?

Много лет армянка Карина выступает в цыганском театре под сценическим псевдонимом «Цыганка Аза», так стоит ли ждать от нее искренности?

Я пришла к выводу, что Алису сглазили сразу все ее подруги, потому она так сильно и заболела.

На следующее утро за завтраком я обнаружила, что Алиса на удивление быстро восстановила здоровье. Она была весела, щебетала без умолку. В конце концов я сказала:

– Дорогая, мне пора отправляться домой, ты же поменьше общайся со своими подругами.

– Кстати, – запоздало вспомнила Алиса, – мы же не обсудили с тобой наш поход к ворожее.

– Как это было возможно, когда ты сразу скрылась в мастерской? – попеняла ей я.

– Так давай теперь обсудим. Мне вот совсем не понятно, что ворожея имела в виду, когда говорила про крашеную тряпку.

– Не тряпку, а ткань, – поправила я. – Совершенно очевидно, что она имела в виду твое увлечение. Ткань – это холст, который ты красишь с утра до вечера.

Алиса растерялась:

– И что это значит?

– Только то, что твои подруги позавидовали твоему таланту, – без зазрения совести солгала я, потому что рассказывать Алисе о том, что они позавидовали ее молодости, красоте и богатству, бесполезно. Алиса до хрипоты будет возражать, убеждая меня, что все ее подруги просто золото.

Услышав же о своем таланте, Алиса призадумалась и согласилась со мной:

– Пожалуй, ты права. Раз я заболела после вернисажа, значит, или Лора, или Нюра позавидовали мне. А может, даже и Карина.

– Фаня в этом деле не хуже других мастерица, – заверила я. – Так что меньше общайся с ними, будешь здоровей. Да и я устала туда-сюда мотаться. Совсем личную жизнь забросила. Кстати, ты бы дала уж ключи от своей квартиры и Симочке. Пожалуй, она единственная не имеет твоих ключей.

– Да-да, – обрадовалась Алиса, – надо и для Симы ключи заказать.

Выдав поручение Симочке приглядывать за Алисой, я отправилась в Москву.

Глава 7

На этот раз Евгений даже разговаривать со мной не пожелал. Сколько раз я звонила к нему на работу, столько мне и отвечали, что он отсутствует. Мобильный его тоже молчал. Наконец я разозлилась и позвонила Тamarке.

– Тома, – сказала я, – ты должна мне помочь. Такой простой фразой мою Тamarку можно довести до белого каления.

– Мама, ты невозможная! – завопила она. – Чем я могу тебе помочь, когда сама постоянно нуждаюсь в помощи! На носу совет директоров моей компании, а ты лезешь со своими дурацкими просьбами.

Зная, как обращаться с Тamarкой, я с ходу зарыдала. Тamarка сразу смягчилась и спросила:

– Ну что ты там, Мама, мокроту развела?

– Не могу дозвониться до Евгения, – пожаловалась я. – Прогуляйся к Юльке, узнай, жив ли он, или эта змея его до смерти зажала.

– Ха, Мама, требуешь от нее невозможного, – глупо заржала Тamarка. – После трех лет жизни с тобой у него стойкий иммунитет к любому яду.

От ярости я просто зашлась, Тamarка же, прекрасно осознавая мое состояние, пришла в хорошее расположение духа и подобрела:

– Ладно, Мама, уважу, сегодня же к Юльке схожу, но что я должна передать Евгению?

– Ничего.

– Как – ничего? – возмутилась Тamarка. – Тогда зачем я туда попрусь?

– Сказала же, поглядеть – жив ли он.

– Ты мне, Мама, голову не морочь, а прямо говори: что задумала? Поспоспособствовать тебе всегда рада, так что не стесняйся. С Женькой примирение хочешь затеять? Я права?

«Бездна ума, – внутренне возмутилась я. – Так сложно было догадаться, к чему я стремлюсь, а вот поди ж ты, осилила Тamarка эту непростую задачу». – Не для себя стараюсь, – ответила я. – Для кого же?

– Для Саньки. Сколько может жить в деревне ребенок? Этак он совсем от рук отобьется. Сама понимаешь, эта твоя подруга, я имею в виду нашу бабу Раю, она научит его всему плохому. Он уже говорит «здесь» и «тама», а что дальше будет?

– Так привези его в Москву, – посоветовала Тamarка.

Я рассердилась:

– Как ты можешь такое говорить? В Москве он сразу поймет, что мы с Женькой в разводе. Ты же знаешь, он папу обожает. Ни в коем случае не хочу травмировать сына.

Тamarка сразу загоревала:

– Точно, Мама, Саньку травмировать нельзя. Как Юлька, сучка, об этом не подумала, когда Женьку твоего к себе приваживала? Все, Мама, если за дело взялась я, считай, Женька у нас в сумке.

Естественно, я сразу пожелала знать, каким образом она собирается это счастье мне устроить, но Тamarка рявкнула:

– Будешь много знать, скоро состаришься, – и бросила трубку.

Остаток дня я пыталась к ней дозвониться, но вредная секретарша гундосила:

– Тамара Семеновна на совещании.

И так до десяти вечера. Ровно в десять раздался звонок в дверь – на пороге стоял Евгений. Рядом с ним топталась Тamarка. Она торжествовала.

Я пригласила их пройти. Евгений с радостью воспользовался приглашением, а Тamarка заявила, что страшно спешит.

– Ну как я. Мама? – украдкой шепнула она.
– Тома, ты гений, – со всей искренностью заявила я. – Но как тебе это удалось?
– Ты забыла, я заканчивала педагогический, а все мужчины – дети. Но как меня мучает совесть перед Юлькой!

– Иди к черту! – возмутилась я. – У нас святое! У нас ребенок!

– Да, у вас ребенок, – согласилась Тамарка. – Дерзай.

И она убежала.

На этот раз Евгений не стал скрывать своих чувств и сразу сообщил:

– Соня, мы наделали глупостей.

– Еще каких, – согласилась я.

– Надо срочно их исправлять, – сказал он, и мы оказались в спальне.

Все было как в кино. Евгений смотрел на меня влюбленными глазами, я расстегивала пуговицы его рубашки, дальше все закружилось, смешались чувства, ощущения, его губы, руки, голос и...

И снова раздался телефонный звонок. Евгений Дернулся, как от удара электрическим током.

– Если это опять Алиса, – закричал он, – клянусь, вас обеих убью!

Я испуганно прижала трубку к уху и обреченно призналась:

– Это Алиса.

Евгений плюнул, матюкнулся, схватил в охапку свою одежду и выскочил из спальни. Я хотела бежать за ним, но Алиса дрожащим голосом пропищала:

– Со-оня, теперь я точно умираю.

– Аля, что? Что на этот раз с тобой?

– И руки и ноги отнимаются, а по телу бегают мурашки, и дышать не могу. Задыхаюсь! Задыхаюсь!

– Аля, дорогая, погоди, всего минуту, – сказала я, но в прихожей хлопнула дверь.

Евгений снова ушел. Теперь уже навсегда. «Он не простит мне такого унижения, – подумала я. – А как хорошо начиналось...»

– Аля, слушаю тебя, – устало произнесла я, но Алиса прохрипела что-то невнятное, потом раздался шум падающего тела и тишина.

Охваченная ужасом, я бросилась звонить Симочке. Симочка, на этот раз вооруженная ключами, помчалась к Алисе и позвонила мне уже от нее.

– Соня! – кричала она. – Не знаю, что делать, Алиса вся черная! Она задыхается!

– «Скорою» вызывай! – крикнула я и бросилась собирать чемодан.

* * *

Я долго и звонила, и стучала в квартиру Алисы, потом вспомнила, что у меня есть ключи, открыла дверь, но Алисы там не оказалось. Я устремилась к Симочке. Она отпаивала лежащую на диване Алису молоком и кормила таблетками.

– Почему вы здесь? – удивилась я.

– Сима ждет звонка, – сказала Алиса. Я присела рядом с ней, положила руку на ее влажный лоб, спросила:

– Что на этот раз с тобой?

За Алису ответила Симочка:

– Отравление. Ее рвало.

Я рассердилась:

– Так почему, черт возьми, вы еще здесь, а не в больнице?

– Мы же там были, – пропищала Алиса, – Врачи все равно скажут, что я здорова, здорова. Я беспомощно посмотрела на Симу и спросила:

– Она теперь что, до конца жизни может не обращаться к врачам? Лишь на том основании, что когда-то они ей поставили диагноз «практически здорова»?

Симочка пожала плечами, я же скомандовала Алисе:

– Поднимайся, отвезу тебя в больницу.

– Нет-нет, – испугалась она, – Герман будет мне звонить.

– Какой Герман? Посмотри на себя! Ты же полутруп! Встать сможешь?

– Конечно, – Алиса вскочила с дивана, но, покачнувшись, едва не упала на пол. Благо Симочка удержала ее. Я возмутилась:

– Видишь? Видишь? Едва стоишь на ногах!

Вдвоем с Симочкой мы отвели Алису в ее квартиру, уложили на кровать и принялись убеждать, что надо срочно ехать в больницу. Она стояла на своем:

– Ехать бесполезно, я здорова. Дайте мне лучше еще молока, еще молока.

Возмущенная таким упрямством, я принялась ругать Алису, а Симочка отправилась на кухню за молоком. Вскоре мы услышали ее душераздирающий крик.

– Что там? – испугалась Алиса.

Симочка вбежала в спальню, на ней не было лица. Она с ужасом показывала в сторону кухни и беззвучно шевелила губами. Я словно окаменела от страха.

– Соня, – не своим голосом попросила Алиса, – пойді посмотри, что там случилось.

– Боюсь, – призналась я.

– Самой мне, что ли, идти? – Алиса сделала попытку подняться с кровати. Я строго взглянула на Симу:

– Что там? Говори.

Бедняжка не могла вымолвить ни слова. Цепenea от ужаса и мысленно читая «Отче наш», я отправилась в кухню и... обнаружила там трупик кота Шустрика, не так давно подаренного мною Алисе. С криком я вернулась в спальню.

– Что там? – спросила Алиса.

– Шустрик мертв, – сообщила я. – Алиса откинулась на подушку и разрыдалась.

– Мой Шустрик, Шустрик, – жалобно приговаривала она.

– Ну да, Шустрик погиб, но зачем, как говорит Фаня, гнать волну? Я же сама чуть не умерла, когда Сима завопила как потерпевшая. Так же можно и заикой сделаться.

– У меня тоже сердце едва не выскочило, едва не выскочило, – рыдая, пожаловалась Алиса.

Я устала на Симочку, которая пришла в себя и виновато пожимала плечами.

– Сама не знаю, что на меня нашло, – оправдывалась она. – Показалось, что-то мне в последнее время чудится всякое, тоже нервы ни к черту.

Посоветовав Симочке лечить нервы, я отправилась обследовать трупик кота. С первого взгляда на беднягу Шустрика складывалось впечатление, что он умер совершенно здоровым. Я сразу вспомнила профессора, убеждавшего меня, что Алиса совсем не больна, и пришла в ужас.

– Срочно едем в больницу! – скомандовала я. На этот раз возражений не поступило.

* * *

Алиса напрасно боялась, что ее и на этот раз сочтут симулянткой. Когда мы привезли ее, трясущуюся от озноба, в приемное отделение, доктор сразу начал бедняжку пытаться, что и когда она ела.

– Отравление? – спросила я.

- Отравление, – кивнул доктор. Симочке стало дурно.
- Алиса вчера и меня угощала, – пролепетала она. – И я ела.
- Признавайтесь, как вы себя чувствуете? – спросил у нее доктор.
- Уже плохо. В ногах прямо сейчас слабость появилась.

Доктор усмехнулся:

- Это от страха. Скажите, чем вас угощали?

Симочка задумалась.

- Пловом, – принялась перечислять она, – сыром, тортом, горчицей.

Я тут же заключила:

- Значит, кот сдох не от плова, и не от сыра, и не от торта, и, уж конечно, не от горчицы.

Коты горчицы не едят. Наш кот сдох молодым и здоровым.

Доктор удивился:

- Какой кот?

– Шустрик, – пояснила я. – У Алисы неожиданно скончался кот. Алиса, сейчас же говори, что он ел?

- Я кормлю его только сухим кормом, – заливаясь слезами, призналась Алиса.
- В любом случае, – сказал доктор, – вам придется полежать в токсикологии.

Глава 8

Оставив Алису в больнице, мы с Симочкой вернулись в ее квартиру – одна я возвращаться в квартиру Алисы боялась. Симочке тоже было жутковато. Она настойчиво звала меня к себе, но я сказала:

– Все равно мне придется здесь ночевать, поэтому лучше привыкать сразу, да и чего боимся? Разве что нечистой силы.

– Раньше я не верила в нечистую силу, – поживаясь, сообщила Симочка.

– Что значит – раньше? А теперь, выходит, веришь?

– Соня, в этом доме происходят странные вещи. Сначала я посмеивалась над Марго, но когда...

Она осеклась и замолчала. Естественно, охваченная любопытством, я начала Симочку расспрашивать, но она лишь мямлила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.